

Другой

Саца Бэрэста

Саша Береста Другой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69980809

SelfPub; 2023

Аннотация

Произведение, повествующее о странноватом студенте по имени Голиаф Абатуров, вокруг которого витают слухи, связанные с таинственным исчезновением Марты Озёровой, его одногруппницы. Подавленный Голиаф идет в бар, где знакомится со стариком Алексеем. Какую историю ему поведаёт незнакомец? Так ли невинен Голиаф на самом деле? Произведение носит аллегорический характер, раскрывает вопросы нравственного выбора, пропагандирует идеи гуманизма.

Содержание

I	5
II	18
III	37
IV	49
V	58
VI	72
VII	82
VIII	94
IX	101
X	107

Саша Береста Другой

I

«Мне трудно выражать эмоции. Каждое утро я подхожу к зеркалу и тренируюсь перед тем как выйти на улицу. Мне интересны мышцы человеческого лица, и я завидую тем, кто может двигать ими неосознанно.

Когда я встречу друга, мне нужно будет ему улыбнуться и задействовать при этом большие скуловые мышцы вместе с круговыми мышцами рта. Если я увижу на улице мертвого голубя, я нахмурюсь и сморщусь с помощью щечных и круговых мышц лица. Если кто-то узнает о...» Голубые глаза вдруг оторвались от листа с лежащимися на него четкими буквенными значками и замерли, в мгновение став стеклянными. Голиаф Абатуров сидел на стуле в прихожей и записывал все, что приходило ему на ум в небольшую книжечку – дневник, что подарил ему один веселый однокурсник. Юноша был уже одет и обут, но почему-то именно сейчас ему вспомнился этот небольшой блокнот, и даже захотелось что-то в нем написать, но, видимо, то, что он написал, было совсем не тем, что обычно пишут в дневниках. Студент раздраженно выдохнул и утер вспотевший лоб ладонью, глядя на внутреннюю обложку книжечки, на которой было заботливо нацарапано: «Будешь записывать в этот блокнот все, что придет в голову! Раз ты такой закрытый, хоть с чем-то сможешь поделиться своими чувствами!».

Подумав немного, Голиаф быстро и несколько раз перечеркнул последнее предложение и написал что-то рядом, но вскоре остановился. Подумав еще, он вовсе вырвал страницу и, встав со стула, не снимая уличной обуви, прошел к мусорному ведру, выкидывая предварительно скомканный лист, книгу оставляя на кухонном столе. Вновь пройдя в прихожую, юноша глянул на себя в зеркало, поправляя короткие, чуть вьющиеся каштановые волосы и, опустив глаза к небольшому столику, вновь пробежался глазами по открытому учебнику анатомии, оглядывая изображенную в нем схему лицевых мышц человека, по которой очень долгое время учился. Ощупав гладкий, без намека на щетину подбородок, Голиаф взял свой портфель, нащупал в кармане телефон и вышел из квартиры, закрыв её на ключ. Выйдя на улицу, юноша остановился около мусорного бака, рядом с которым копошились грязные городские вороны, которых было намного больше чем обычно.

С бесцветных губ сорвался шепот: «Я знаю, зачем вы здесь...» после чего ноги сами понесли его к уже знакомому величественному зданию.

Он не слушал музыку, пока шел до университета, не читал и возможно даже не думал. Его глаза были открыты, но сознание будто отключено от мира сего. Ни один мускул ни разу не дрогнул на лице Абатурова за все то время, пока он добирался. На ступенях монументального строения он увидел пару студентов: двое юношей, таких же как сам Голиаф,

очень бурно что-то обсуждавших и, заметив однокурсника, встрепенулись, заметно насторожившись, только он приблизился к ним. Вовремя вспомнив про улыбку, Голиаф улыбнулся уголками рта, немного неестественно.

– Привет, ребят.

– Голиаф?! Какого черта ты... – тут же раздраженно начал один из самых преуспевающих на курсе парней студент и тут же ринулся к пришедшему.

– Постой, Денчик, – перебил его другой, вставая между ним и

«Денчиком». Требующий ответа взгляд серых глаз устремился на третьекурсника, светлые брови парня нахмурились в волнении:

– Где Марта?

Надеясь изобразить удивление, Абатуров свел брови домиком, инстинктивно приподнимая и веки. Это выглядело правдоподобно.

– Я не знаю.

– Не смей, жалкий ублюдок, – прошипел Денис, пытаюсь приблизиться, но второй, по имени Слава, вновь остановил друга.

– Так, Ден, отойди, я сам поговорю с ним, – глаза юноши вновь строго глянули на Голиафа:

– Где Марта?

– Я не знаю, – ни на йоту не сменившимся голосом проговорил Абатуров, уронив брови обратно, – а что с ней?

– А то ты не знаешь! – рявкнул юноша, раздраженно выдыхая, – Она пропала, Голиаф.

В этот раз поднявшиеся брови не выглядели столь искренне и не произвели должного эффекта. Вячеслав начал шипеть сквозь зубы, теряя спокойствие:

– Гоша с ума сходит. Мало того, что вы с ней встречались за его спиной, так теперь она еще и пропала, возможно из-за тебя.

Собеседник же оставался спокойным, даже почти расслабленным.

– Это не из-за меня.

Кажется, спокойный тон немного успокоил светловолосого знакомого.

– Я бы хотел тебе верить, – Слава вздохнул, засовывая руки в карманы.

– Значит, Гоша с ума сходит?

– Угу-м.

«Я выбрал плохой день для посещения занятий» – промелькнуло в голове у Абатурова, поэтому он, ничего не объясняя, неожиданно для всех, развернулся и пошел прочь.

– Эй! Куда ты идешь? – в голосе Вячеслава слышались ноты обидного удивления, но ответа на вопрос не последовало.

Медленной, плавной походкой Голиаф направлялся в уже давно изученное им заведение – бар «London». Быстро дойдя до заведения, юноша сел за барную стойку. Голиаф знал наизусть всё меню, и всегда заранее знал, что хотел бы зака-

зять. И сейчас было настроение для виски. Достав телефон, он нашел в галерее расписание и, узнав, какая тема сегодня будет на лекции, вбил название в поиск и начал о ней читать, как вдруг...

– О-о, дружище!! – радостный звонкий голос наполнил паб, а тяжелая рука тут же легла на плечи Голиафа. Юноша, повернув голову, увидел с собой еще одного однокурсника, самого богатого на темную растительность на живом лице, которую тот тщетно пытался брить, и, видимо, самого неуспевающего в группе.

Рассмеявшись, тот похлопал Голиафа по плечу, – Даже полудня нет, а ты уже виски хлещешь?!

«С этим можно не стараться» – благоразумно заметил Абатуров, поэтому решил не напрягать лишний раз свои лицевые мышцы – они еще должны пригодиться для более важных людей.

– Привет.

– Неразговорчивый, ха! В целом, все как обычно, – зевнув, студент по имени Дмитрий с удовольствием уселся рядом с другом,

– Ну, что нового?

– Да все по-старому, – положив телефон в карман, ответил Голиаф, пригубив немного виски.

– Это тоже хорошая новость! – юноша довольно улыбнулся и, посмотревшись на собеседника, сделал заказ и себе, – Слушай...

– М?

– Ты вот как знающий человек мне скажи... Зачем нам учиться?

– В каком смысле?

– Ну вот зачем? Мы ведь живем в 21-м веке, все самое лучшее уже изобрели, и человечеству совершеннее уже не стать, а даже если это и возможно, то зачем? Источник безграничной информации у нас уже есть, роботы, которые могут выполнять за нас работу, есть, а нам-то зачем этому всему учиться? Я думаю, что люди уже достаточно развили мозг, чтобы начать развивать сердце!

Слушающий все это без особого энтузиазма, Голиаф вдруг заинтересовался и даже повернул голову в сторону Дмитрия, чтобы слышать лучше:

– Ну-ка...

– Что? – похлопав глазами, спросил собеседник, немного не

понимая реакции Голиафа, но все-таки продолжил – Разве это не так? Люди веками, тысячелетиями изучали науку и только науку! И вот, наконец, мы живем в то время, когда можно думать только о своих чувствах и чувствах других людей, казалось бы, но..! Эх...

Абатуров медленно кивнул, чуть сщурив глаза.

– Хочешь сказать, наука больше человечеству не нужна? – неконтролируемая улыбка вдруг появилась на лице юноши, и она могла бы стать еще больше, если бы Голиаф не оста-

новил её.

– Угу... – ничего не заметивший Дмитрий глотнул виски, – Ты не согласен?

«Зачем ты вообще учишься на инженера?» – витал в голове у Абатурова вопрос, который он все-таки не решился озвучивать. Смотря слегка диковатым взглядом на собеседника, Голиаф чувствовал, что сердце его бьется все быстрее.

Он первый раз расскажет о своей идее.

Приблизившись к Дмитрию, почти к самому его носу, Голиаф, не отрывая от него своего мертвого, но оживленного ожиданием взгляда, наслаждался дискомфортом собеседника. Студент прекрасно понимал, что нарушает личные границы, но не собирался с этим ничего делать.

– И что же ты делал бы без науки?.. – почти шепотом спросил юноша у Дмитрия, чьи глаза растерянно бегали по лицу собеседника, не зная, за что зацепиться.

– Я же сказал... Я бы любил, радовался и...

– Зачем тебе любить и радоваться?

– Как зачем? – почти обиженно спросил тут же испугавшийся студент,

– Ты задаешь странные вопросы... Да и я этот разговор начал не с той целью, чтобы... Ну... Ты понимаешь...

Шумно вдохнув воздух носом, Голиаф откинулся на спинку барного стула. В его глазах погас огонь, сделав их вновь бледными, и Абатуров отвернулся к столику, потеряв интерес к Дмитрию, который тем временем продолжал растерян-

но оправдываться:

– ...да и не хотел я... Я думал, я тебе на универ пожалуюсь, ты мне тоже... Так, поговорим о пустом, да и все, а ты...

– Я не спрашивал.

– А?..

На юношу устремились два голубых бесчувственных зрачка.

– Ты отвечаешь мне, когда я тебя не спрашивал. Мне совершенно плевать на то, какие у тебя там были причины, – в глазах Голиафа мелькнуло презрение, после чего юноша снова отвернулся, смотря в стену, но продолжая говорить, – Ты обычная помойная крыса, Дима. Ты ничего не понимаешь и ничего не стоишь. Ты не знаешь, что делаешь со своей жизнью, а спрашиваешь меня о моей. Ты – расходный материал, – вновь голова повернулась на юношу, а вместе с ней и два страшных глаза, – Тобой контролируют эмоции, а живешь ты ради чувств. Ты тратишь свое существование на девушек и выпивку, потому что первое дает тебе эмоции, а второе помогает их заглушить. Ты жалок, и мне противно с тобой разговаривать.

Вновь отвернувшись, Голиаф отпил немного виски, словно ничего и не произошло. Дима же, больно сжав кулаки, прикусил губу изнутри, после чего встал, резко двинув стулом, и ушел из бара.

Голиаф вновь достал телефон и, разблокировав его, хотел почитать про лекцию, но вдруг услышал старческий голос

почти над своим ухом:

– Молодой человек, извините, я подсяду?..

– Садитесь, – не поворачиваясь, в своей обычной манере ответил Голиаф, продолжая читать текст на экране.

Около пятнадцати минут потребовалось Голиафу, чтобы понять, что старик, теперь сидящий рядом, не стесняясь рассматривает его и даже ничего не заказывает хотя бы ради приличия. Решив отомстить, Абатуров устремил притупленный взгляд на старика, начиная рассматривать в ответ, и какого же было его удивление, когда ответная реакция у этого внезапного седого господина отсутствовала! Заинтересованный, Голиаф, внимательно рассмотрел старое, морщинистое лицо с седой, но заметно ухоженной бородой, что шла тонкой дорожкой от его уха, постепенно расширяясь, захватывая подбородок и искусно скрывая ямочку над верхней губой, после послушно сужаясь до неширокой дорожки вновь, доходя таким образом до другого уха. Глаза были красивого зеленого оттенка, казались открытыми, но немного грустными, а седые, забранные назад волосы блестели, освещаемые желтой барной лампой. Незнакомец улыбнулся юноше, но улыбка эта была погребена под густой бородой, поэтому догадаться можно было только по чуть прищурившимся глазам.

– Я застал вас врасплох?

– Нет, – не отрывая пытливого взгляда, ответил Голиаф.

– Я думаю, что так оно и есть. Я слышал, как вы разгова-

ривали с молодым человеком, и тема вашего разговора меня... Довольно заинтриговала. Что вы имели в виду, когда так выражались о чувствах?

– О каких?

– О чувствах в целом. Вы сказали, что ваш друг живет ради чувств, почему?

– Потому что так и есть.

– Вы считаете, что эмоции и чувства не нужны человечеству? Правый уголок губ юноши сам дернулся в улыбке.

– Совершенно верно.

Старик прищурил глаза, вскоре снова улыбаясь.

– Почему?

– Эмоции сильно стопорят прогресс. Если бы не было эмоций, прогресс был бы куда значительней.

– И для кого же тогда этот прогресс будет нужен?

– Для людей.

– Зачем он будет нужен людям без эмоций и без чувств?

– А зачем он людям с эмоциями и чувствами?

Мужчина поднял брови, не ожидая подобного вопроса, и даже хотел что-то сказать, но решил, что что-то доказывать сейчас довольно бесполезно. Помолчав немного, он все же спросил:

– Как вас зовут?

– Голиаф.

Мужчина довольно сильно удивился:

– Ваши родители не читали Библию?

– Не думаю.

– Что ж, это понятно...

– Меня не обижают ваши слова.

– Я рад слышать это, – улыбнулся старик.

– Нет. Вы не поняли. Я не умею чувствовать.

– Не умеете? – с искренним любопытством поинтересовался мужчина.

– Не умею. С раннего детства я не был похож на остальных. Все вокруг смеялись так громко, а плакали так искренне, что я начинал завидовать. Я не умел этого. Потом я понял, что нужно делать, чтобы тебя считали обычным, но я каждый раз контролирую каждую эмоцию, которую собираюсь сделать, – в глазах студента вновь проснулся опасный огонек, минувший его совсем недавно, – Но только сейчас я понял, что это не отклонение и не порок. Я послан человечеству. Люди должны стать такими же, как я, мы должны убрать из жизни грусть и радость, и тогда научный прогресс будет неминуем, – Голиаф развернулся к старику полностью, становясь к нему слишком близко, надеясь вызвать ту же реакцию, какая была у Дмитрия, но с удивлением и интересом обнаружил, что незнакомцу вовсе не неприятно. Ему все равно. Это только разогрело интерес, – Все ненужные эмоции и чувства опьяняют, не дают здраво мыслить. Если бы был способ избавить человечество от этого порока, мы бы шагнули на несколько сотен тысяч лет вперед, у нас были бы технологии, недоступные более никакой расе во Вселенной,

мы бы...

– И как же избавиться от эмоций? Мне действительно интересно, Голиаф.

– Я верю. Есть способ, – юноша продолжил уже значительно тише, – Нужен чистильщик. Я такой не один. Но таких, как я, запирают в психлечебницах, хотя на самом деле никто не знает, кто прав, а кто нет. Может, шизофрения это способ попасть в другую реальность, а не болезнь? Вы ведь знаете почему их запирают. Скажите мне... Я хочу услышать от вас.

– Они другие.

– Все верно. Другие. Может, они вовсе не сумасшедшие, как принято считать, а наоборот, гении?

Повисла напряженная пауза. Обдумывая все, что сказал юноша, старик подал голос первым:

– Вы говорили про чистильщика. Неужели вы думаете, что если убить всех, кто ярко выражает эмоции, мир станет лучше?

– Не обязательно убивать. Но нужно убрать.

– И женщин?

– Да.

– И детей?

– Да.

– И работяг?

– Да.

Мужчина, сильно озадаченный, опустил взгляд, раздумывая, и вскоре поднял глаза на юношу.

– Почему вы решили рассказать это мне?

– Я не знаю. Мне кажется, вы такой же, как я.

– Как вы это поняли? Интуиция?

– Возможно.

Старик хрипло засмеялся.

– Голиаф, у вас не может быть интуиции, вы ведь безэмоциональны!

– Так и есть. Вы меня подловили.

Мужчина, помолчав немного, заговорил:

– Позвольте я расскажу вам историю про одного человека? – Абатуров заинтересованно склонил голову вправо, и незнакомец заговорил.

II

«Утро еще не успело настать, как из подъезда дома пять Кооперативной улицы вышел человек на вид лет двадцати пяти: лицо у него было светлое, но с чуть-чуть проступающим на впалых щеках румянцем, скорее вызванным холодным ветром. Всегда чуть опущенные веки и тонкая линия бледных губ, сложенных в вымученной улыбке, вызывали ложное впечатление о том, что Алексей Степаныч – обычный уставший работяга, снова всю ночь просидевший за бумагами, но на самом деле такое лицо было у него всегда, даже если он прекрасно выспался и был всем доволен, а настоящая улыбка редко появлялась на худом лице, иногда неровным особенно в районе щек, что самого юношу очень раздражало.

Пожалуй, единственное, что бросалось в глаза, стоило первый раз посмотреть на него – это поразительно ровный, среднего размера нос, который можно было оценить по достоинству только когда Алексей Степаныч поворачивался к собеседнику в профиль, иначе очертания чудесного носа сливались с цветом кожи и иногда его и вовсе было невозможно заметить, если, например, смотреть прямо Алексею в глаза, совершенно не разговорчивые. Они были готовы бесконечно слушать, «великодушно» сопереживая, но ничего не говорили о своем хозяине – они были задумчивы, умели

вникать, но молчали. Молчали, как партизаны, которых научили не говорить ни слова даже под страхом смертной казни.

А все-таки был Алексей Степаныч интересный человек! Черты его лица были правильные, ровные, будто юный художник, не знающий пока о том, что человеку свойственно быть неидеальным, решил изобразить своего идола, своего великого Бога. Несмотря на ярко выраженные скулы, густые светлые брови и в меру длинные золотые волосы, что иной раз блестели, стоило свету упасть на них, вся его идеальная внешность оставалась незамеченной. Глянув на него во второй или третий раз, может, можно было бы заметить всегда вымытые, идеально зачесанные назад волосы, фиксированные лаком, но они бы не вызвали того восторга, который рождается у фанатов панк-рока, стоит им увидеть нерасчесанные сальные патлы своего кумира, и Алексей Степаныч прекрасно это знал. Он не злился и не недоумевал, лишь только пожимал плечами, виня в этом харизму, которой у него не было.

Проехав несколько остановок на автобусе и столько же станций на метро, блондин наконец оказался на работе. Еще будучи юношей Лексей все никак не мог понять, на какой работе можно заработать больше и, не определившись, решил отучиться на инженера: он сдал экзамены на высшие баллы и смог поступить бесплатно, чем хоть немного порадовал своих родителей. У него был свой план: начав с обыч-

ного инженера, он мог бы подняться до инженера-сметчика, потом до инженера-технолога, а там уж недалеко до директора. Да, процесс нелегкий, но действенный. Алексей Степанович все просчитал, а уж если этот трудяга все просчитал, то по-другому быть просто не может. Зайдя в офис, он снял с себя тщательно вычищенное пальто, повесив его на вешалку, после чего пошел на свое место за компьютером. «Хоть бы не встретить сегодня Мишу, – подумал Алексей, но тут же услышал сзади себя приветливый, полный энтузиазма голос:

– Лексей, дружище!! Что же ты проходишь мимо, как чужой?! А ну-ка! – мужчина широко развел руки, приглашая обняться, – Ну же, Лешка!

– Доброе утро, Миша, – первоклассно изобразив улыбку на своем лице, юноша послушно подошел и обнял товарища, на что Михаил Иванович громко, никого не стесняясь, засмеялся, похлопав друга по плечу.

– Ты, как и всегда, ни на секунду не опоздал, разбойник! Ну, какие планы на сегодня, Сехинов?

Только прозвучала его собственная фамилия, юноша поднял глаза, до этого безразлично смотрящие в широкую грудь коллеги, на всегда улыбающееся, с морщинами около глаз лицо. Пришлось тоже сщурить глаза и заставить себя улыбнуться, чтобы Михаил не смог бы даже мысли допустить о том, что его лучший друг не рад его видеть.

– Наверное, как и всегда, – пожал плечами Сехинов.

– Какой ты скучный! – в шутку скорчив гримасу отвра-

щения, Михаил Ильич махнул рукой, – Ладно, шут с тобой. Пойдем сегодня вместе по домам?

«Нет...» – измученно взвыл в мыслях Алексей.

– Да, конечно, пойдем, – юноша вновь изобразил на лице улыбку, но вдруг задумался. Улыбка... И почему людям она так нравится? Погрузившись в раздумья, юноша рефлексивно опустил глаза и едва заметно насупился, очнувшись только из-за громкого: «Эй, Лешка!». Черт возьми, он же все прослушал! Подняв растерянный взгляд удивленного мужчину, Алексей несколько раз моргнул.

– А? Что?..

– Тю! Так ты все прослушал, что я говорил! – в расстроенных чувствах Михаил шлепнул себя обеими руками по бедрам. Лицо его тут же изменилось: брови поднялись домиком, нижняя губа чуть залезла на верхнюю, а нос напрягся.

– Я... Э-э... – в панике блуждая зрачками по лицу коллеги, юноша вдруг осознал, что долго так простоять не сможет, иначе его репутация всегда внимательного и доброго сотрудника мгновенно упадет, если вовсе не рухнет. Стараясь что-то срочно выдумать, он начал в спешке представлять ситуацию со стороны Михаила: он о чем-то говорит, но собеседник отводит глаза в раздумьях... В целом можно списать на эмоциональное потрясение. Сехинов быстро сообразил, что можно просто сделать вид, будто он очень опечален, но вот чем?.. Чтобы не терять времени, которого он уже растратил достаточно, Алексей начал играть – он был в этом большой

мастер.

Юноша закрыл глаза, глубоко вздохнув даже с небольшой, едва различимой дрожью во вздохе, чем был очень доволен, и зажал пальцами переносицу, едва приоткрывая глаза, оставляя незаметную щелочку, наблюдая за собеседником. Михаил, до этого обиженный, в удивлении поднял брови; лицо его вытянулось от непонимания.

«Повелся, дурак...» – проскользнула радостная мысль в голове у Алексея, но внешне он остался абсолютно непоколебим, только свел брови к переносице, придавая своему лицу серьезности, будто силясь успокоиться от ужасного происшествия, только что выдуманного у себя в голове.

– Прости, Миша. Я все никак не забуду... Вчерашнее, – голос дрогнул, и Сехинов едва удержался, чтобы не улыбнуться самому себе. Разве он не превосходный актер? Чувствуя, что он как минимум заинтересовал собеседника, юноша еще раз тяжело вздохнул.

Алексей был невероятно проницателен и тактичен, оттого и понимал, что ни за что не должен рассказывать о «произошедшем», пока его не спросят.

– Леша... Ты... Ты чего это, дружище?.. Ну-ка садись... – взволнованно залепетал Михаил, тут же отодвигая близ стоящий стул и усаживая на него юношу, который благодарно кивнул.

Алексей не сомневался в себе, знал, что его уловка точно сработает и получится выигрышно сыграть на чувствах этого

всегда чуткого и отзывчивого дурачка, – Ну?.. Чтостряслось, расскажи?..

Выдержав паузу, будто собираясь с силами, на самом же деле намеренно вызывая слезы у себя на глазах, Сехинов опустил руку, до этого закрывавшую его переносицу, открыв увлажненные глаза.

– Роба помнишь?

– Песика твоего? Конечно... – все еще волнуясь, участвуя ответил мужчина, обеспокоившись еще больше, – Что, заболел?..

– Убежал! – с огромной досадой, горько, даже почти искренне ответил ему Алексей.

– Боже мой! Что же ты не сказал?! – Михаил мигом обнял сидящего на стуле друга, крепко прижимая к себе, – Не переживай, не переживай, Лешка, найдем... Найдем обязательно...

Слабо обняв коллегу, Сехинов благодарно кивнул несколько раз. Ткнувшись носом ему в грудь, он позволил себе победно улыбнуться в клетчатую рубашку мужчины, но скоро вновь погрузился, даже шмыгнув пару раз носом, не желая выходить из образа. Михаил мог бы обнимать его еще долго, поэтому первым отстраниться решил Алексей, смахивая воображаемую слезу, вставая со стула, изображая лицо самого грустного человека на свете, не смотря в глаза мужчине.

– Извини, мне нужно выйти, привести себя в порядок...

– Конечно, Лешка! Ты прости меня... – грустный весельчак стыдливо опустил взгляд, – Зря напомнил...

– Ничего. Ты же не знал...

«Черт... Грустный человек вообще бы ничего не ответил... Черт!» – выругался Алексей в мыслях и, чтобы сгладить этот момент, снова грустно вздохнул, развернулся и пошел в сторону туалета, стараясь не улыбаться.

Оказавшись внутри, Сехинов, наконец, гордо улыбнулся, смотря на себя в зеркало.

«Еще одна победа за мной. Как же легковверен этот... Как его фамилия? Да, точно, Болдин. В жизни большего дурака не встречал!» – Алексей Степанович любил разговаривать сам с собой. Правильнее даже будет сказать, что он не считал остальных людей умными или хотя бы достойными собеседниками, но всегда слушал их с идеально симулированным интересом. За всю свою жизнь он так и не понял, зачем человеку выражать эмоции, если чаще всего приходится себя заставлять? Подойдя к зеркалу, юноша сначала оглядел себя, заправив пару выбившихся локонов светлых волос за уши, после чего решил попрактиковаться в эмоциях, проверить, насколько красиво и правдоподобно он изображает задумчивость,

отвращение, грусть и сочувствие. Все это получалось у него превосходно, но самой непонятной эмоцией для него оставалась улыбка. Как бы он не старался, уголки губ или поднимались слишком высоко, или опускались слишком

низко, а золотой середины найти никак не получалось. Ему было известно, лишь как сделать ехидную и гордую улыбку, ну или просто надменно усмехнуться тоже было в его силах. Тренируя свою улыбку перед зеркалом, Алексей все больше раздражался, проклиная свои уголки губ и того, кто придумал улыбку в своих мыслях:

«Какая же все-таки бесполезная эмоция! Из-за неё к старости на лице проступают морщины, болят скулы и напрягаются глаза из-за того, что приходится их щурить – ну совершенно непонятно, зачем людям улыбаться! Ходили бы все с одинаковыми лицами, да хуже бы из-за этого ни за что не сделалось никому. Улыбка, смех и счастье романтизированы до тошноты, и даже доктора верят в этот бред! Улыбка – всего лишь жест приличия. Точно такой же, когда ты, например, говоришь «спасибо» и «пожалуйста». Однако все же странно, что людям нравится, когда их собеседник показывает им свои зубы», – юноша скорчился, подавив рвотный рефлекс, –

«Невероятная гадость... До чего же человечество бывает противным!»

Опершись руками о раковину, Алексей взгляделся в свое лицо, внимательно изучая каждую его клеточку, простояв так несколько минут, вскоре одобряюще кивнув:

«Все еще идеален. Никто не был так идеален, как я. Когда я стану неприлично богат, пожалуй, буду жертвовать деньги в какие-нибудь ущербные приюты, чтобы создавать массам о себе идеальную репутацию.

Наверное, не буду покупать дорогие квартиры для вида, чтобы люди думали, что я все жертвую» – Сехинов презрительно усмехнулся, поправляя пиджак, – «Глупцы. Любят мучеников, как же это странно... Что ж, пусть думают, что я не эгоист. Моя жизнь станет величайшей иронией потому, что я буду иронизировать сам над собой. Рано или поздно люди это заметят, но к тому времени я уже буду иметь достаточно связей во внешнем мире».

Алексей скептически покосился на дверь, предполагая, что Миша уже рассказал всем о его происшествии с собакой. «Хм, может, получится уйти сегодня...» – одобрительно кивнув самому себе, юноша быстро потер глаза, из-за чего они сделались чуть красными, будто он плакал. Вновь изобразив из себя страдальца, Сехинов вышел из туалета с опущенными глазами и тут же встретился с начальником, довольно пожилым мужчиной. Да, как он и предполагал, Миша успел все разболтать.

– Алексей Степанович, я сожалею, – действительно сочувствующе произнес директор, – Я и сам владелец двух борзых и однажды одна из них...

– Я помню, вы говорили, – отрезал Сехинов, надеясь прервать этот унылый разговор, что еще даже не начался.

– Да, да.. Вы выглядите... Не очень хорошо, – неожиданно с сочувствием произнес директор.

– Ну, сами понимаете.. – оставаясь в своем образе безутешного хозяина, ответил Сехинов.

– Понимаю. Знаете, отправляйтесь-ка домой.

Спустя каких-то десять минут, юноша уже с удовольствием ехал домой, ужасно гордый собой. Стоя в автобусе, он мечтательно глядел в окно. Он прославился на работе своим усердием и строгостью, но всегда приходил на помощь, если кто-то в ней нуждался (это тоже неплохой статус – нынче доброжелательность вошла в моду), а теперь будет еще и добрым хозяином нерадивой собаки, что сорвалась с поводка такого замечательного хозяина.

«Глупцы! Наивно полагают, что человек, любящий животных, по умолчанию добрый! Какая же все-таки глупость... И животные – тоже глупость». Погрузившись в свои мечты о прекрасной репутации, Алексей даже забыл, что историю про собаку выдумал за считанные секунды. Он уже мечтал о том, как ляжет на диван, возьмет в руки какую-нибудь книгу или просто почитает новости в телефоне. Лучше вечера не сможешь придумать... Поднявшись на свой этаж, юноша вставил ключи во входную дверь, как вдруг услышал лай, заставивший вздрогнуть. Впав в ступор, Алексей замер на несколько мгновений, после чего раздраженно зашипел.

– Твою же мать. Эта псина ведь никогда не терялась...

Раньше Роб не доставлял Алексею неудобств. Юноша уже привык к нему, но мысли о том, что он мог бы просто спокойно жить без этой бесполезной собаки, отныне пожирала его. Страдальчески выдохнув, мужчина, раздосадованный тем, что его легенда не сбылась наяву, покорно открыл дверь, гру-

бо отталкивая от себя радостно прыгнувшего на него пса, породы испанского спаниеля, раздеваясь и направляясь в свою комнату. Преданный хозяину Роб пошел за ним, радостно виляя хвостом, но вдруг Сехинов остановился.

На лице его проступила оживленная задумчивость, а в глазах зажегся нехороший огонёк. Губы исказила воодушевленная и очень опасная улыбка. С таким восторгом могли бы улыбаться волки, загнавшие свою добычу в угол. Медленно повернувшись с Робу, Алексей посмотрел на него безумным от восторга взглядом.

– Роби... Хороший мальчик. Хочешь гулять?

На слове «гулять» Роб радостно залаял, вставая от радости на задние лапы. Снова одевшись и взяв поводок, Алексей отправился на улицу. Сев в автобус, юноша опустил на свободное место, брезгливо отодвинув руку с колена, только на него легла преданная собачья голова. Повернув голову, Сехинов устремил взгляд в окно, не понимая, зачем вообще три года назад взял эту собаку...

Темный зимний вечер. Компания, состоящая из Алексея, Михаила и еще парочки друзей, отправлялась домой после знатной гулянки. Сехинов с нетерпением ждал, когда придет домой и наконец-то избавится от общества этих людей. Но вдруг к ним выбежала собака, еще совсем щенок. Играя, он подбежал к этим людям, что тут же с удовольствием приняли его, глядя и лаская, да приговаривая ласковые словечки, искренне восхищаясь красивыми собачьими глазами, неве-

роятно интересным окрасом и редкостью породы.

Восхищались все, кроме Алексея. Он, фыркнув, попятился, с отвращением смотря на грязные лапы собаки, дрожащие от холода, на её мокрый нос и рот, не представляя как кто-то может позволить «этому» лизать свое лицо. Но, ради вида, Сехинов улыбнулся, спокойно смотря на спаниеля, и едва поборов желание отстраниться, стоило собаке подойти к нему и заглянуть в глаза, виляя хвостом.

– А ты ему понравился, Леша! – посмеялся один из компании, – Может, возьмешь себе? Ошейника нет.

На это заявление Алексей возмущенно поднял брови и хотел яро отказаться, был готов даже с пеной у рта доказывать, что у него невыносимая аллергия, но вдруг в разговор вмешался его заклятый враг.

– А что? Бери, Сехинов! – бодро скомандовал Михаил Ильич Болдин, преуспевающий инженер в фирме, – У тебя же много свободного времени, дружище! Вот и будешь псом заниматься!

«Чертов Болдин...» – зубы у Алексея закрипели, «Даю руку на отсечение, он тоже хочет стать директором, как и я... Человек не может быть таким дружелюбным сам по себе, у него точно есть цель, точно... Но мне нужна эта дружба. В случае чего, этот Михаил может мне пригодиться. Придется взять этого противного пса, надеюсь, это поспособствует нашей... «Дружбе». Будь ты проклят, Михаил и его дружок...».

Посмотрев на собаку, Алексей улыбнулся, вскоре подняв глаза на Болдина.

– Отличная идея!

Выйдя из транспорта на неизвестной ему самой станции через час, а может и чуть больше, Алексей направился прямо, потом налево, затем снова направо, пока не вышел к облагороженному полю: это было обычное зеленое поле, без цветов и без клумб, но со скошенной травой и поставленными кое-где скамейками. Главное удобство этого поля было в дороге, что находилась слева от него.

Это был очень редкий пример единения природы и человеческого в неё вмешательства: совсем рядом с проезжей частью, на которой частенько показывались машины, проезжающие на огромных скоростях, расположилась высокая трава, показывая все свои красоты и хвастаясь обширным полем, переходящим в дикий лес. Место было идеальным. Сняв с пса поводок вместе с ошейником, мужчина достал старенький теннисный мячик из кармана и стал ждать. Роб не вилял хвостом и не радовался. Тревожное ожидание чего-то, а чего, он и сам не знал, изнуряло собаку. Смотря на холодное, всегда безразличное лицо хозяина, он тихо скулил, словно умоляя отвезти его обратно. Только к остановке начал подъезжать автобус, Сехинов быстро посмотрел на пса, не обращая внимания на накрапывающий дождик, что начался пару минут назад.

– Роб! Лови, мальчик! – скомандовал Алексей, закидывая

мяч далеко в поле.

Роб поднял уши, тут же вставая с места, не сводя глаз с мяча, и преданно завил хвостом. Они так давно не играли! Стоило мячу полететь, пес побежал за ним, прыжками приближаясь к своей цели, в то время как Сехинов рванул в обратном направлении, следуя к своей.

Ужасно довольный, он успел запрыгнуть в уже тронувшийся автобус. Прильнув к окну, юноша посмотрел на спаниеля с зеленым мячом в зубах, приближающегося ровно к тому месту, где раньше стоял хозяин. Сехинов видел, как в доселе радостных собачих глазах появилось сначала замешательство, затем волнение. Озираясь по сторонам, Роб тщетно искал своего хозяина, а после, не найдя его, выронил мяч изо рта и отчаянно тявкнул, тут же замолчав, будто ожидая, что кто-то откликнется. Мимо проходило очень много людей, но никто из них точно не был любимым хозяином. Озираясь по сторонам, пес вновь безысходно залаял, не теряя надежды. Алексей бы и дальше наблюдал за зрелищем, но скоро спаниель скрылся, стоило водителю повернуть за угол. Сехинов скрестил руки на груди, смотря на поводок с ошейником, которые он очень предусмотрительно снял с собаки – её хозяина вряд ли будут искать без ошейника.

«Стоило бы уже давно так сделать» – уголки его губ чуть поднялись, слабо улыбаясь, – «Было бы меньше проблем. Удивительно, что при моем складном уме я додумался выбросить его так поздно!».

Смотря на стекающие по стеклу окон автобуса тяжелые капли, наверное, уже заставшие его пса, мужчина цокнул языком, закатив глаза:

«А прогнозировали солнечную погоду. Идиоты. Я поэто-
му и не взял зонтик, а теперь придется мокнуть».

Остальной его вечер прошел спокойно».

– Какой-то бред. Своей сказкой вы ничего не добились, сожалею, – равнодушно заметил Голиаф и пожал плечами, на что старик поднял брови.

– Сказкой?

– Сказкой.

– Помилуйте, это вовсе не сказка! – возмутился мужчи-
на, сводя брови в своем почти добродушном гневе. Абатуров усмехнулся.

– Не нужно врать. И я даже знаю, что все это вы выдумали сами, если не сейчас, то какое-то время назад. Вы рассказы-
ваете все в таких красках... – юноша задумался, подбирая слова, – Как будто вы – рассказчик и смотрите на все со сто-
роны. Вы выдали себя очень глупо.

На это мужчина не нашел ответа и предпочел молчать.

– К тому же... – начал юноша, – Этот Сехинов вовсе не по-
хож на меня. Я полагаю, вы рассказываете мне все это, чтобы
я посмотрел на себя со стороны, увидел, какой я ужасный и
плохой, но мы с ним разные. Да, у нас обоих проблемы с вы-
ражением эмоций, но наши мировоззрения очень отличают-

ся друг от друга. Я готов убрать кого-то ради высшей цели, а он – ради своей же выгоды. Ко всему прочему, у... Алексея? Да. У Алексея кишка тонка.

– Что вы сказали? – спросил помрачневший старик, тут же подняв суровые глаза на собеседника.

– У Алексея. Кишка. Тонка, – разборчиво, четко проговаривая каждую букву, повторил Голиаф, – Из зависти и своих гиперболизированных амбициозных планов он согласился взять животное. А оно, в свою очередь, очень мешает исполнению любых планов, – вдруг глаза юноши заискрились, уловив изменившееся настроение незнакомца. Голиаф странно, почти безумно улыбнулся,

– Скажите мне скорее, как вас зовут?

– Что? – недоуменно воскликнул старик, приняв вопрос юноши за дерзость, – Зачем вам это?

– Вы так очаровательно злитесь, когда я привожу объективные аргументы в мою пользу, а не этого... Алексея, да еще и яростно утверждаете, что ваша сказка – правда. Я вам верю. Но скажите мне, кем вы были? Неужели вы и есть тот Алексей Степаныч?

– Я...

– Или вы его друг Михаил? О, так было бы намного прозаичнее!

– Я не могу сказать вам...

– А может вы все-таки все придумали, сударь? – Голиаф вновь опасно приблизился к лицу мужчины, невероятно воз-

бужденный от того, что ему удалось застать обычно безэмоционального старичка врасплох, – Может, все это – плод вашего воображения? И тогда вы можете быть и Алексеем, и Михаилом или даже псом Робом...

Мужчина вновь вскинул брови.

– И... Какой же «я» будет верным? – медленно спросил старик.

– Любой. И ни один в то же время.

Старик задумался, опустив глаза. Он уже не злился и даже не был суров. Он думал. В итоге, глубоко вздохнув, мужчина улыбнулся, пригладив седые волосы на голове.

– В одном вы угадали. Меня зовут Алексей, – морщинистая рука ловко юркнула во внутренний карман жилета, вытаскивая паспорт мужчины в коричневой обложке, – Но моя фамилия...

«Скалровский» – про себя прочитал Голиаф, смотря на раскрытый документ. Юноша отвел глаза, не очень желая признавать свое поражение. Он вздохнул.

– Значит, вы все-таки все выдумали.

– Не совсем, – улыбнулся старик, – Я лишь сгустил краски. Я хотел бы рассказать побольше о том, как Алексей Степаныч потерял свое рабочее место, но, мне кажется, вам будет не очень интересно.

– Вы удивительно проникательный человек, Алексей, – без удивления, но с ноткой почтения ответил ему Голиаф, – Мне было бы интересно про Михаила. Если я все правильно-

но понял, он был разгильдяем, таким, с которыми я и хочу справляться.

– О нет, нет... Он был очень интересный человек, – отчего-то печально вздохнув, сказал Голиаф.

– Даже если это сказка, мне интересно, что вы хотите мне сказать. Прошу, продолжайте.

Алексей мягко усмехнулся, благодарно кивнув.

– Спасибо. Даже если это не поможет вам, возможно это поможет мне. Я слишком долго вынашивал эту... Сказку.

– Могу я попросить вас кое о чем? – Абатуров зевнул.

– Да, конечно.

– Не пытайтесь рассказывать все так, будто идеально знаете того, о ком рассказываете. Это раздражает и, по правде говоря, мешает мне построить собственное впечатление об услышанном, поскольку вы, как любой обычный человек, вкладываете в слова эмоции, которые получаете при воспоминании о человеке и персонаже, а после этого начинаете додумывать за него. Обычно, кстати, из-за этого и возникают конфликты: люди невероятно хорошие мечтатели и с удовольствием придумывают свои истории про других людей.

Это нормальное явление, но оно ужасно бесит. Особенно когда слухи распространяются по универу, – он вздохнул, на что Алексей усмехнулся.

– Разве вам не все равно на репутацию?

– Мне все равно на то, что все считают, будто я встречался с Мартой, но меня пугает высокая вероятность быть за это

избитым её же парнем.

Алексей Скалровский засмеялся.

– Хорошо, будь по-вашему. К тому же, речь пойдет о Михаиле, а с ним, я уверен, сдерживать эмоции будет попроще.

III

«Открыв глаза, Михаил Ильич Болдин вылез из-под одеяла, сразу же потягиваясь и сонно улыбаясь яркому солнечному свету, почти неприлично светившему ему в глаза. Зевнув, он поставил ноги на теплый махровый коврик зеленого цвета, лежащий рядом с кроватью специально, чтобы согреть холодные после сна ноги.

Надев домашние тапочки, Михаил, одетый в ночную футболку с шортами, протер глаза и поставил руки в боки, расслабленными глазами и с улыбкой на лице разглядывая комнату. Сперва мужчина обернулся к другой половине кровати и, найдя её пустой, мягко усмехнулся, понимая, что жена уже на кухне. Оглядев стены, он в который раз умилился некоторым фотографиям, висящим на них: его родители, он сам, жена... Но одной из самых любимых была его фотография с роялем. Одетый в парадный костюм, выбритый и причесанный, Михаил сидел за инструментом с чрезвычайно сосредоточенным лицом, глядя на клавиши рояля так, будто второй говорил Болдину что-то очень сокровенное и важное, в то время как хозяин пытался помочь ему выговориться. Карие глаза мужчины засмеялись, в который раз видя эту картину, но радуясь, словно в первый, в то время как большая, широкая ладонь зарылась в глубинно-черные, словно уголь, густые волосы, «причесывая».

Миша подошел к шкафу с книгами, что располагался рядом с кроватью, и, взяв оттуда Библию, хотел начать перечитывать её вновь, но:

– Миша! Ты встал? Иди завтракать, опоздаешь! – послышался строгий женский голос, слыша который сразу стало ясно, что лучше всего будет повиноваться. Болдин улыбнулся, укладывая книгу обратно.

– Иду!

Минуя гостиную комнату, в которой и стоял незаменимый и так горячо любимый мужчиной рояль, а также у стены находился диван, напротив которого был удобно расположен телевизор, мужчина завернул направо, в три шага одолев коридор, и тут же расплылся в улыбке, видя со спины жену, хлопотавшую на кухне. Это была необычайно красивая женщина: её длинные золотистые волосы красиво переливались в солнечном свете, бьющем в окно и настырно проникающим в комнату, заставляя Михаила щуриться и преодолевать желание закрыть глаза. Её необыкновенные желтые глаза пусть и немного устали от быта и рабочей рутины, но не утратили своей прелести в изящном лисьем разрезе. Мужчина мягко улыбнулся, смотря на профиль жены. Мария Геннадьевна Болдина в свои тридцать семь лет была очень красива, тонка, но улыбка для неё была довольно редким явлением. «И почему Машке хочется быть строже, чем она есть?.. – подумал Михаил.

Подкравшись к ней со спины, мужчина нежно обхватил

жену за талию, быстро прижав ее к себе, ехидным басом хихикая, слыша резкий вдох женщины и чувствуя, как она замерла от легкого испуга. Женщина нахмурила светлые брови, не поворачиваясь, на что Михаил рассмеялся.

– Очень смешно, – она отстранила от себя его руки и сосредоточилась на блинах, – Из-за тебя блин подгорел. Сам будешь есть, – твердо констатировала Мария, тут же кладя блин на ту тарелку, где блины были не самые удачные: подгорелые или даже порванные, но следующий, хороший, она положила на другую, с хорошими, светлыми блинами.

– Спасибо! Подгорелые намного вкуснее, – Болдин улыбнулся снова, забирая тарелку и усаживаясь за стол, придвигая к себе сметану с вареньем

Тем временем Мария, окончив готовку, взяла несколько блинов из «хорошей» тарелки и, намазав их вареньем, аккуратно сложила в небольшой контейнер, после чего посыпала их пудрой, закрывая крышкой пластиковую коробку, стенки которой уже начали потихоньку запотевать, после чего проделала эту манипуляцию еще раз с другим контейнером, пока довольный Михаил поедал свои любимые подгоревшие блины. Женщина поставила на стол два контейнера, неизменно четким и строгим голосом инструктируя:

– Возьмешь сегодня на работу. С чайком попьешь там, пообедаешь. А на обратном пути хлеб купишь домой.

Сказав все это, Мария наконец сама взяла тарелку с блинами, только уже с «хорошими», и села за стол завтракать.

Муж с удивлением смотрел на контейнеры, с аппетитом поглощая блины. Его интересовало очень много вещей, но он решил начать с самого интересного, быстро раззадорившись:

– Ха! Слушаюсь, генерал! Но вам не кажется, что вы слегка ошиблись в расчетах?

Мария удивленно уставилась на мужа, выныривая из своих суетных мыслей:

– О чем ты?

– Два контейнера, генерал! Если у вас есть второй муж, который тоже нуждался бы в блинах, вы должны были сообщить, мэм! – со свойственной солдатам громкостью проговорил Михаил.

Мария замерла на доли секунды, с прямой спиной и с надкусанным блином в руке, потом расслабилась глубоко вздохнула, снова опустив ставший прежним взгляд:

– Мы это уже обсуждали.

– Но генерал!..

– Хватит этого цирка, – Мария быстро рассердилась, а Михаил сразу успокоился, виновато улыбнувшись.

– Прости. Я хотел разрядить обстановку. Мы ведь договорились, что больше это не будет повторяться, да? Мне не нужно два контейнера, дорогая, это совершенно лишнее.

– Второй ничего не весит, к тому же ты принесешь его пустым домой, его не тяжело донести.

– Милая, послушай...

– Ты не сдержишь обещание, Болдин.

Да-да, даже не Михаил, это особо строгое обращение вместе с суровым взором женщины заставили мужчину её выслушать:

– Ты все раздашь, как и всегда. Твои бессовестные коллеги налетят на тебя, как пчелы на мед, когда ты достанешь еду, а ты не сможешь отказать.

– Ну послушай... – ласково начал мужчина, но ту же четкий и раздраженный голос жены прервал его:

– Нет. Я тебя уже слушала, и это закончилось тем, что ты опасно похудел. Лучше уж я буду делать обед твоим коллегам, чем ты снова так подвергнешь себя опасности, – она раздраженно вздохнула, – Тебе с твоим желудком вообще нельзя так пропускать приемы пищи, а ты...

– Ладно-ладно... Я понял... – мужчина слабо улыбнулся, смотря на женщину, – Но у меня сегодня выходной, Маша. Боюсь, блины не понадобятся.

Застыв, женщина изумленно посмотрела на мужа, затем на календарь, висевший слева от нее.

– Четверг...

Мария тяжело вздохнула, встала из-за стола и убрала оба контейнера в холодильник. Завтра точно пригодятся. Болдин тихо вздохнул, тоже встав со стула, постаравшись улыбнуться.

– Хочешь, сходим сегодня куда-нибудь?

– Дел полно, Миша.

– Дел всегда полно, – Болдин аккуратно тронул хрупкое

плечо девушки, укрытое махровым бежевым халатом, кончиками пальцев, на что женщина грустно усмехнулась.

– Здесь ты прав...

– Давай прогуляемся! – мужчина развернул жену за плечи к себе лицом, заглядывая умоляюще в её прикрытые глаза, – Мы уже очень давно не гуляли вместе, давай хоть сегодня выйдем на улицу... Пожалуйста...

– Мне нужно слишком много сделать. Извини, – Мария отвела глаза, тяжело вздыхая, – И мне не хочется.

Поджав губы, Михаил со вздохом кивнул.

– Я понимаю...

Мужчина тоже опустил глаза, оказывая своеобразную молчаливую поддержку. Но Михаил не скорбел, а думал. И придумал. С загоревшимися глазами он схватил девушку за руку и повел прочь из кухни. Ничего не понимая, Мария послушно следовала за ним, не проронив ни слова и, только мужчина усадил её на диван в гостиной, а сам сел за рояль, предварительно подняв его крышку, жалобно промычала, словно игрушка, на которую ненароком наступили:

– Не-ет, Миша, пожалуйста...

– Прошу тебя, просто послушай... – тихо попросил мужчина, смотря на женщину. Мария слабо улыбнулась.

– Щенячьи глазки?.. – на это Михаил только мягко усмехнулся.

– Я уверен, тебе это поможет.

– Хорошо. Если ты уверен, то прошу тебя.

– Спасибо...

Решительно вдохнув, мужчина занес руки над клавишами и начал играть. Он примерно понимал, каким должен быть порядок произведений...

Мария сидела на диване, устало глядя стеклянным взором на выключенный телевизор. Зачем он здесь?.. Они его совсем не смотрят... Взгляд зацепился за едва заметную мошку, что летала около женщины, но очень скоро исчезла из поля зрения. Женщина тихо вздохнула и только сейчас поняла, что музыка уже давным-давно льется приятным ручейком по всей гостиной. Только... Что это?

Метель, буря... Да, 17-я соната Бетховена. Но почему именно она и почему именно эта часть?.. Что же, раз Михаил так старается, стоит вникнуть.

Перед воображением девушки тут же всплыла буря, метель, какая-то... Неопределенность. Примерно такие чувства сейчас витали у неё в душе: неразбериха, хаос в самом плохом смысле этого слова и неясная никому, даже ей самой суета, узницей которой она внезапно стала против своей воли. Тяжело вздохнув, женщина повела затекшим плечом, не совсем понимая, почему муж сказал ей, что музыка должна ей помочь. Однако в этом был свой особый смысл! Было ощущение того, что рояль узнает чувства девушки, понимает её и принимает, как никто другой. Конечно, о лечебных свойствах музыки Мария знала задолго до этого дня, но поняла, насколько великой может быть эта сила, только сейчас.

Судорожно выдохнув, она принялась ждать следующего произведения, которое не заставило себя долго ждать. Серенада Шуберта показалась ей песней вернувшегося после войны солдата. В ней невероятно много печали и раздумий, отчетливо слышится эхо пережитых переживаний, и, пускай все уже позади, оставшиеся навсегда в сердце раны еще долго не дадут покоя, хотя жизнь старается намекать на то, что уже давно пора двигаться дальше. Женщина судорожно вздохнула, опуская глаза, чувствуя носом накатившие слезы. Может, Миша прав?.. Ей нужно позволить кому-то себя понять, может, так ей станет намного легче... Рояль разговаривал, словно вспоминая тяготы прошлой жизни, пытаясь сказать так много одной лишь музыкой, но, как выяснилось, ею можно сказать намного больше, чем простыми человеческими словами.

Мария выдохнула, открывая глаза. Произведение кончилось, и у неё даже получилось сдержать слезы. Даже не догадываясь о том, какой будет следующая музыка, женщина была крайне удивлена, когда услышала спокойствие. Никаких войн, переживаний или бурь... Играл первый концерт Равеля. Теперь рояль не рассказывал чью-то историю, а пытался подбодрить, показать, какой на самом деле может быть жизнь, если стараться победить все, что мешает прочувствовать её полностью, всем сердцем и душой. Воображение женщины в первый раз не рисовало никаких картин. Это был чистый лист, наполненный спокойной радостью, даже... Сча-

сьем?

Определенно им. Теперь она могла понять, о чем говорил Болдин. Сначала он показал ей смятение, затем горечь, оставшуюся от страха и боли, а теперь старается дать понять, что после любой встряски идет облегчение. Женщина почувствовала, как по её щекам стекают слезы. Он сделал это ради неё... Мария не помнит себя. Она плачет, закрыв лицо руками и спрятав глаза.

Михаил выдохнул, снимая ладони с клавиш, пока что не смотря на жену. Он вздохнул. Зря он это затеял, сейчас придется оправдываться...

– Ладно. Извини... Это была действительно плохая идея. Прости...

Мужчина виновато посмотрел на Марию, но тут же встрепенулся, подсакивая со стула.

– Маша! Ты что?! Стой-стой, не надо, ох, Боже мой, я совсем не хотел...

Быстро оказавшись рядом с женщиной на диване, мужчина заключил её всю в объятия, и с радостью почувствовал как жена поддалась его рукам.

Выдохнув, Болдин решил дать ей время. По прошествии нескольких минут, когда Мария успокоилась, мужчина осторожно отстранил от себя её заплаканное лицо, посмотрел внимательно:

– Тебе лучше, Маша?... – заботливо шепотом спросил Миша.

Женщина, тихо шмыгнув носом, слабо улыбнулась:

– Ты так прекрасно играешь, Мишка...

Она все-таки подняла на него мокрые глаза.

– Спасибо...

– Брось... Я только рад, что тебе стало легче... – мужчина

сразу осекся, – Стало ведь?

Мария мягко улыбнулась.

– Стало... Спасибо... – вдруг хитрый огонек загорелся в глазах женщины. Она прищурилась, – А знаешь, от чего мне может стать еще легче?..

Болдин улыбнулся так же лукаво, как она, соглашаясь сыграть в эту игру:

– От чего же?..

Мария хотела ответить, но её прервал звонок в дверь. Михаил открыл.

– Привет, Миша, – пробурчал стоявший за порогом Алексей Сехинов, пока что не входя, – Я могу пожить у тебя немного?

– Как интересно это вы завернули! – усмехнулся Голиаф.

– Теперь я не слишком эмоционален? – улыбнулся Алексей.

– Вовсе нет. Но у меня есть вопросы по услышанному.

– Прошу вас.

– Знаю, наверное, вы хотели сказать мне потом, это все-

таки ваш козырь в рукаве, но все же ответьте мне, что случилось с Марией? Если я все правильно понял, она переживает какую-то неприятность.

Мужчина глубоко кивнул.

– Все верно, мой юный друг. И мне очень нравится, что вы говорите о ней в настоящем времени, – Алексей рассмеялся, – Да, вы верно подметили. В то время Мария переживала тяжелую болезнь кого-то из близких людей.

– Кого же?

– Она не говорила мне, Голиаф. Она со мной мало разговаривала.

Голиаф вздохнул, почти закатывая глаза.

– Слушайте, я уже давно понял, что все сказанное вами – сказка. Перестаньте притворяться.

– Послушайте, – намного строже сказал Скалровский, чем привлек внимание студента, – Если вам не нравятся мои ответы, не задавайте своих вопросов. К тому же, если это все сказка, почему вы до сих пор не ушли от меня? Вы, как я понимаю, человек практичный, не стали бы все это терпеть.

– Мне интересно, что вы придумали дальше, Алексей. Вот и все.

Скалровский вздохнул.

– Раз вам интересно, имейте ко мне уважение.

– Как пожелаете. Позвольте еще один вопрос?

– Допустим.

– На кой черт Сехинов приехал к ним? Вы явно не хотели

портить эту идиллию.

Алексей усмехнулся, скрестив руки на груди.

– Бежите вперед паровоза, мой друг.

– Не друг.

– Хорошо, товарищ.

– Знакомый.

Старик смерил юношу скептическим взглядом.

– Хорошо. Я хотел рассказать вам дальше, но, пожалуй, дам все ответы сейчас. Алексей попал под сокращение на работе, пускай и был одним из лучших работников. Ему не повезло. Квартиру снимать дорого, а денег у него и так нет. Все понятно?

– Логика Сехинова до конца мне не ясна. Но допустим. Я понял.

– Я рад. Впредь прошу меня не перебивать, история должна быть цельной.

– Обещаю смиренно слушать.

IV

«Итак, с этого момента Алексей Степаныч решил устроиться у своего друга. Михаил, обговорив этот вопрос с женой, решил устроить юношу в гостиной на диване, но женщина, не будем скрывать, не была довольна происходящим. Он сразу поставила мужу безоговорочное условие: если Алексей будет слишком долго искать себе новую квартиру или работу, они не будут позволять ему долго оставаться у себя дома, на что мужчина, конечно, активно согласился.

Тем временем Сехинов совершенно спокойно бродил по квартире, изучая её. Он не хотел быть слишком наглым, но страсть хотел посмотреть на то, как живет всегда радостный и приветливый коллега. Из прихожей он направился на кухню, завернув налево и миновав туалеты. В целом убранство стола, плиты и духовки его не удивило, было как у всех остальных, но интересно было то, что всего было по два: две пары прихваток, по две сковородки с одинаковой едой и кратное количество тарелок с чашками, причем первая половина была в шкафу с левой стороны, а вторая – с правой.

Заинтересованный Алексей даже заглянул в нижний выдвижной шкафчик с кухонными приборами, но там все было вперемешку.

«Значит, приборами они не брезгают...» – удивился в мыслях юноша, но пожал плечами, закрывая ящик. Пройдя

обратно по коридору, он заинтересовался прикрытой дверью напротив, справа от прихожей.

Глянув мельком в сторону гостиной, Алексей подумал, что время у него еще есть, пока его спасители все обсуждают. Юноша открыл дверь шире и заглянул внутрь, не решаясь заходить. Алексей от неожиданности округлил глаза; он ожидал увидеть здесь уголок мастера инженерии или что-нибудь связанное с механизмами, но перед его глазами предстало настоящее ателье. Юноша открыл дверь чуть шире, чтобы рассмотреть удивительно упорядоченный хаос: швейная машинка стояла на столе, усеянном бесформенными тканями и, казалось бы, разобраться в них невозможно, но нутром Алексей Степаныч понимал, что если за стол сядет разбирающийся в шитье человек, он сразу все поймет. Оторвав глаза от швейного стола, Сехинов обратил внимание на другой стол, что стоял у стены напротив и был практически погребен под листками бумаги, изрисованными различными чертежами одежды: платья, штаны, футболки... Наверняка что-то еще, но юноша не смог увидеть. На вешалках, зацепленных на ручки шкафов, друг на друге красовались новые наряды, но совсем не современные! Это были мужские пиджаки с богатыми манжетами и красивыми запонками, висевшие рядом с женскими платьями с пышными рукавами.

«Век, наверное, 19-й» – подумал Алексей и решил, что пока с него достаточно. Тихо прикрыв дверь, он развернулся и хотел было идти уже к своим друзьям, но остолбенел.

На него смотрели четыре глаза: два удивленных и еще два очень недовольных. Михаил стоял как вкопанный прямо перед юношей, не понимая, что ему стоит сказать, чтобы разрядить обстановку, а Мария стояла рядом, настроенная крайне враждебно, скрестив руки на груди и действительно страшно нахмурвшись. Алексея пробило холодным потом: «Никогда я еще не бывал в... ТАКОЙ ситуации... Черт возьми... Ладно, как положено человеку с хорошей репутацией, я должен извиниться». Юноша сделал драматичный вдох и опустил глаза, крайне виноватый.

– Простите меня. Я понимаю, что мое поведение – верх неприличия. Я позволил себе лишнее. Я правда перед вами очень виноват, – надо сказать, сказано это было очень правдоподобно, но это только больше взвинтило женщину.

– Я тебе не мать, чтобы ты так передо мной отчитывался, – послышался холодный, постепенно переходящий в злобу, голос.

– Маш... – виноватый голос мужа и такая же улыбка все-таки успокоила Марию. Она рвано выдохнула, почти фыркнув, и демонстративно отвела глаза.

«Скверная барышня, – усмехнулся в мыслях Алексей, – Предложу себя выгнать, она сама начнет уговаривать меня остаться».

– Вы совершенно правы, Мария Геннадьевна, – тембр голоса оставался тихим и низким, чтобы совсем не вызывать подозрений и придать себе вид как можно более виновато-

го, – я понимаю, что поступил низко, но меня крайне интересовало убранство вашего дома, – Сехинов поднял на удивление крайне виноватые глаза, возможно, он даже немного переиграл, – Если вы прикажете мне уйти, я сделаю это.

Неожиданно женщина вспыхнула, как-то странно при этом улыбнувшись.

– Да что ты? Я так рада, что ты предложил это сам!

«Не понял» – юноша почти даже опешил, но, благо, не показал это на своем лице, хотя внутри у него все замерло после слов женщины.

– Маша! Постой, ну не надо, прошу тебя... – Болдин повернулся к жене, чуть опустив шею и поджав плечи, чувствуя себя крайне виноватым перед ней. Он сразу заговорил намного тише, – Пожалуйста, он не сделал ничего плохого, молодой ведь, любопытный...

Мария, все еще скрещивая руки у себя на груди, холодно смотрела на мужа из-под век и, помолчав немного, смирилась Сехинова взглядом омерзения, после чего глянула на мужа холодным, почти осуждающим взглядом, и зашла в свою мастерскую, закрыв дверь перед носом Алексея. Он был в недоумении и ярости одновременно.

«Что я сделал не так?! Я... Я делал как должен был сделать порядочный человек! Что она себе позволяет?! Да я!!...»

– Эх-х, не бери в голову, Лешка, – ладонь вновь легла на плечо юноши, а лицо Михаила вновь начало улыбаться, пус-

кай ему было немного грустно из-за ссоры с женой, – Когда сам женишься, еще не с тем столкнешься! – он засмеялся, обнимая Сехинова за плечи и ведя на диван в гостиную. Алексей решил немного объясниться, поэтому постарался себя успокоить.

– Ты... Не пойми меня неправильно... – осторожно начал юноша, – Но я совсем не понял, что случилось. Скажи мне, что я сделал не так?

– А шут его знает! – засмеялся мужчина, снова хлопая друга по плечу, – Это же женщины! Я думаю, ты сам знаешь. В институте, наверное, у тебя гарем был, а-ха-ха!

Сехинов едва нахмурился, отведя взгляд, но не от смущения.

«Что я сделал не так... Нельзя позволить себе повторить эту ошибку...»

– Э-эй, чего ты? Обиделся? – мужчина ткнул юношу в бок, на что недовольный этим Алексей немного поерзал на диване.

– Все в порядке.

– Ну и прекрасно! – улыбнулся Болдин, глядя на дверь мастерской, которая была прекрасно видна из гостиной. Сехинов это заметил.

«Нет уж, дружище. Командовать ей я не позволю» – на лице у юноши вдруг сама выросла странная улыбка, которую он поспешил спрятать. Юноша вальяжно обнял Михаила за плечи, – «Я тебя переманю на свою сторону».

– Послушай-ка, Болдин, – начал неторопливо Сехинов, – Вот ты зачем женился?

Мужчина поднял брови.

– Как зачем? Я Машку люблю, она любит меня.

– А за что ты её любишь?

– За что? Ну... – Михаил задумался, подняв глаза к небу, чему Алексей очень обрадовался.

– Вот видишь, ты ведь даже сказать сразу не можешь, – сказал юноша, будто это было чем-то крайне очевидным, – Разве тогда считается, что ты её любишь?

Михаил замер, неуверенно прищуривая глаза. Улыбка пропала, он стал серьезен.

– К чему ты ведешь?

– К тому, что людям не нужно жениться.

Болдин высоко вскинул брови, а юноша поднялся с дивана, встав перед Михаилом, держа спину ровной и забрав руки за спину.

– Любовь – это такая шутка природы. Она создана для того, чтобы мы продолжали свой род, но человечество решило создать браки, чтобы контролировать популяцию. А я считаю, что от любви можно отказаться.

– Отказаться? – совершенно не понял мужчина, – Как это?

– Запретить себе влюбляться. Заблокировать эту эмоцию.

Болдин долго смотрел на юношу, после чего медленно, словно спрашивая немого разрешения, расплылся в улыбке.

– Мне нравится, что ты шутишь даже в такой ситуации,

но, прошу тебя, больше не надо. Сейчас не самое лучшее время для этого.

– Я не шучу. Я действительно так считаю.

Михаил замер, поджав губы.

– Неужели тебе никогда никто не нравился?.. И... Даже сейчас не нравится?.. – почти испуганно, совсем тихо спросил Михаил, не уверенный в том, что хочет знать ответ.

– Нравится? Нет. Но я знаю, кого хотел бы видеть своей.

– Хотел бы? – Михаил недоуменно взглянул на собеседника, – Что это значит?

– Ну смотри, Миша, – Алексей наклонился к нему, смотря в удивленные глаза, будто собирался говорить приятелю что-то очевидное, о чем он мог бы и сам догадаться, – Она красива, статна, умна, из богатой семьи. С ней не скучно, а общественность не будет меня осуждать за мой выбор. Её зовут София Рыневская, я думаю, ты слышал о такой.

– Боже упаси! – воскликнул Болдин, не веря своим ушам, – С этой жестокой женщиной ты хотел бы провести всю жизнь?

– Почему же нет? Все жестоки.

– Но...

– Ты меня не понимаешь, Миша. Жестока, мягка – все это не имеет значения, когда у неё есть деньги. Помнишь строчку? Как же там... – нахмурившись от усердия, Алексей медленно кивнул своим мыслям, неуверенно, но задорно напевая, перед этим разогнувшись, чтобы было удобнее:

"Я люблю свою подружку не за мушку на щеке,
А за то, что у подружки под подушкой в кошельке!"

– Но Леша... – изумленный Михаил смотрел на своего друга, – Разве ты не понимаешь своей меркантильности?

– Что же мне остаётся? – усмехнулся в ответ Сехинов.

– Влюбиться хотя бы! – Миша был настолько разочарован в друге, что даже вскочил со дивана, разведя руками, – Не обязательно ведь в неё! В кого угодно, только не в её, прошу тебя!

– Зачем мне вовсе влюбляться? Ты меня не понимаешь, Миша! – отчего-то радостно воскликнул Алексей, вскоре показывая мягкую улыбку, – Я не отрицаю любовь. Но я её не знаю. И ты тоже не знаешь потому, что слишком много о ней думаешь и чрезвычайно мало знаешь. Ведь ты даже не можешь ответить, за что «любишь» свою же жену.

Болдин молчал, выслушивая. Он не понимал, зачем Сехинов говорит все это ему, но знал, что не хочет оставлять его без ответа.

– Я люблю её за то, что она есть. Что она каждый день дарит мне радость и что любит меня в ответ, – твердо и четко проговорил Михаил, – И я не хочу задумываться над тем, есть ли любовь на самом деле. Если её нет, то тогда я не знаю, что я чувствую.

– Привязанность вперемешку с радостью, – любезно отметил Алексей.

– Перестань, – чуть громче проговорил мужчина, вскоре

чувствуя себя виноватым за грубость, из-за чего слабо улыбнулся, в который раз хлопая юношу по плечу, – Ты довольно молод, и я понимаю, почему ты так думаешь. Но, пожалуйста, я уже был молодым и не хочу возвращаться к своим мыслям, которые были тогда, – он улыбнулся, – Рано или поздно ты тоже к этому придешь!

– К чему же? – спросил на удивление очень спокойный юноша.

– К любви, к... Богу.

– Что-что? – тут же заискрился Сехинов, приблизившись к мужчине.

– Все-все, не надо, я понял, что это большая тема, – он рассмеялся, – А ты проворный малый! Ладно, давай пообещаем. Я пойду разогрею, а ты пока разложись здесь.

Болдин покинул Алексея Степаныча, оставив его в полном недоумении.

«Я, конечно, знал, что Болдин – человек довольно наивный, но чтоб настолько... – Алексей тяжело вздохнул, – Чтож, мне предстоит много работы. Но пока что стоит повременить. Буду действовать постепенно»

Взгляд юноши упал на рояль. Он усмехнулся.

«Живет в таком захолустье, а держит у себя рояль... – Сехинов провел по лакированной доске ладонью, – Удивительно. Продаст бы, смог бы переехать в квартиру получше».

И, зевнув, пошел на кухню обедать.

V

Отношения Алексея с Михаилом всегда были дружескими, в основном благодаря Болдину, а вот с его женой Сехинов совсем не поладил. Она презирала его, намеренно игнорировала и демонстративно отводила глаза, что очень волновало Михаила и заставляло нервничать. Надеясь разрядить обстановку, он шутил, подкалывал то друга, то Марию, но у него не всегда получалось разнять этот неприятнейший немой конфликт. Мужчина не спрашивал у жены, почему ей так не нравится его друг, боясь новой ссоры, а у Алексея и спрашивать не надо было: он регулярно напоминал Болдину о том, что не он виноват в непростом и тяжелом характере Марии. К слову, вопреки данному юношей обещанию, Сехинов совсем не спешил искать работу, а наоборот, надеялся как можно дольше оставаться в этом доме, ведь именно так мог бы сработать его план о «перевоспитании» Михаила. Он был предельно уверен в том, что Болдину легко дастся обучение, поскольку он был остр умом, но направлял его совсем не в то русло, как считал Алексей.

В это утро, собираясь на работу, Михаил то и дело взволнованно поглядывал на Сехинова и жену, когда появлялась возможность, боясь представить, что может произойти, когда он уйдет: Мария уже который день сверлила Алексея взглядом, а второй, в свою очередь, не из тех, кто умеет

и хочет разнимать конфликты. Сейчас он, кстати, сидел на предоставленном ему диване, держа в руке какую-то первую попавшуюся книгу, и, раскрыв её, пытался читать, но весь его разум был слишком занят постепенно созревающим в нем нехитрым планом:

«Это будет не сложно сделать без жены, но так сразу её убирать не стоит, иначе это его сломает... Нужно испортить между ними отношения, но так, чтобы Миша не понял, что это сделал именно я. Нужно убедить его... В том, что она его не любит? Нет, этого мало, он станет отрицать... – Сехинов вдруг поднял глаза выше книги, озаренный, – Я знаю, что мне стоит делать».

– Эй, закроете за мной, кто-нибудь? – крикнул в коридор Михаил, с небольшим опасением прислушиваясь к звукам из гостиной. Он мог бы закрыть и сам, но очень хотел увидеть хоть кого-нибудь перед тем, как уйти на работу.

Алексей отвлекся и, отложив книгу, встал с дивана. Скрипя половицами он направился к выходу из гостиной, спеша закрыть за хозяином дома, но в коридоре перед его носом ему наперерез метнулась светлая макушка, шустро оказавшись у входной двери:

– Хорошего дня, милый, – она улыбнулась, почти грубо огладив его плечо, на что мужчина удивленно поднял брови, но вскоре радостно улыбнулся, предполагая, что все наконец наладилось.

– Спасибо! – он вышел, хлопнув дверью.

На Сехинова обратились два свирепых глаза, явно не располагающих к милому разговору. Алексей нахмурился, не намеренный больше молчать.

– Что за цирк вы здесь устроили?

– Я?! – воскликнула женщина, почти чувствуя как ее волосы встают дыбом. Она зашипела, – Тебе как никому другому должно быть все известно о цирке. Ты настолько искусственный, что мне становится жаль тебя.

Сехинов застыл.

– Жаль... Меня? – странная, неконтролируемая улыбка выросла на лице юноши, его взор был направлен на женщину. – Вы мне врите, Мария Геннадьевна.

Женщина почувствовала, как ей внезапно стало холодно от этого неприятного взгляда, захотелось спрятаться от этой неестественной улыбки. Мария невольно вздрогнула, из-за этого напрягаясь еще сильнее, но не боясь отвечать Алексею, наоборот, она была готова начать этот бой.

– Жаль. Жаль такую неблагодарную сволочь, как ты, – стальной голос ни разу не дрогнул, но на это Алексей только мягко усмехнулся, из-за чего разгневанная женщина перешла на громкие тона. – Я не собираюсь терпеть твои неестественные чувства в своем доме.

– Это не ваш дом.

Мария застыла, медленно бледнея из-за сидящего в горле гнева.

– Что. Ты. Сказал?

– Это. Не ваш. Дом, – ответил Алексей в манере собеседницы, упиваясь её бессильной злобой, при этом оставаясь абсолютно спокойным – Это дом вашего мужа. И моего друга. А он не захочет меня выгонять, – улыбался Сехинов, – И вы это знаете.

– Что же, ему придется выбрать или меня, или вас, – рявкнула женщина, быстро уходя из прихожей в кухню прочь от Алексея, который не мог сдержать своего счастья: «Как же неаккуратно ответила! Я всегда говорил, что эмоции никогда не помогали рациональному мышлению. Пока слышит, скажу ей чуть громче на всякий случай». Юноша действительно повысил голос:

– Вы заставите мужа выбирать между собой и другом? Что ж, поверьте, ему будет лучше выбрать друга, чем такую жену, которая будет пытаться шантажировать и повелевать.

Прекрасно понимая, какой эффект эта фраза вызовет у женщины, Алексей спешно отправился обратно в гостиную, мягко приземляясь на диван, вновь хватая книгу в руки, сидя как ни в чем не бывало.

Мария застыла, услышав слова юноши. Самое страшное было в том, что он был прав как никогда. Она не имеет права заставлять мужчину делать такой жестокий выбор. И теперь Сехинов с удовольствием будет использовать это, чтобы настроить Болдина против неё.

Мария обернулась, шумно дыша, и твердой походкой направилась в гостиную, вставая перед юношей, который да-

же не взглянул на неё, продолжая «читать». Шумно дыша, женщина сначала сверлила его взглядом, надеясь хотя бы напяречь перед предстоящим диалогом, но, заметив, что Алексей совсем расслаблен, досадно выдохнула, тут же делая новый вдох, надеясь сказать другу своего мужа все, что о нем думает:

– Я знаю, зачем ты здесь. Я знаю, что ты хочешь сделать с Мишей, но понятия не имею, почему.

«Не может быть, – промелькнула спокойная мысль в голове у Алексея, – Она блефует. Но отвечать сейчас нельзя. Пусть скажет все»,

– ...твои уловки не сработают на него. Ты не знаешь, какой он человек, и ты не испортишь ему жизнь, не посмеешь.

«Как очаровательна эта дама! – умилился Сехинов, но снаружи сохранил спокойное выражение лица, – Жаль, она не понимает, что мои уловки всегда работают. Скажу ей это чуть позже, пока рано».

Но, несмотря на абсолютное игнорирование со стороны Сехинова, женщина продолжила:

– Душа Миши чиста.

«Как белый лист».

– Ничто и никто не сможет её омрачить.

«Любой может написать на нем все, что душа пожелает».

– Особенно такой, как ты.

«Тем более такой, как я».

– Ты отвратительный человек.

«Я потрясающий писатель».

– Мне тошно с тобой разговаривать. Если ты не уйдешь хотя бы через три дня, я прикажу Мише выгнать тебя для его же блага, – Мария тяжело дышала от пережитого гнева, но не собиралась останавливаться:

– Пускай ты сейчас скажешь, что я не достойна называться женой после этого, я все равно это сделаю. И Миша меня поймет.

Алексей молчал. Выслушав женщину, он поднял на неё глаза.

«Добью».

– Это все?

Мария сжала кулаки, и Алексей почти услышал как скрипят её зубы. Он усмехнулся, вставая с дивана и смотря прямо в глаза женщины, больше не собираясь шутить.

– У тебя нет сердца, Маша. Ты готова выгнать юношу, почти студента, без работы и без квартиры на улицу только лишь потому, что тебе что-то в нем не понравилось.

– Я...

– Ты готова шантажировать мужа, чтобы испортить мне жизнь.

– Нет, я не...

– Именно ты – главный враг Миши. Не я, а ты. Ты ревнуешь меня к нему, правда?

– Что ты несешь?! – закричала Мария, – Я не!..

«Я знаю, глупая».

– Ревнуешь. Если ты ревнуешь мужа даже к друзьям и готова выклевывать ему мозг из-за этого, пожалуй, мне стоит с ним поговорить по поводу тебя, – Алексей фыркнул, вновь опускаясь на диван, в третий раз опуская глаза в книгу – Может, он найдет себе избранницу получше. Наверняка она не будет портить ему жизнь так, как это делаешь ты.

Женщина замерла, чувствуя как гнев постепенно отступает, уступая место страху. А ведь он может... Её Миша так доверчив... Излишне доверчив. Мария закрыла глаза и спешно скрылась в её с мужем спальне, что располагалась в следующей комнате, вход в которую был только через гостиную.

Через несколько часов наконец в дверь позвонили два раза. Юноша встал с дивана и пошел открывать. Отперев замок, Алексей поднял уголки губ в улыбке, надеясь расположить Михаила к себе как можно скорее.

– Рад тебя видеть, Миша.

– А я-то! – засмеялся Болдин, чуть приобнимая друга. Сняв пальто, мужчина повесил его на крючок в прихожей и скинул с ног ботинки, осторожно пристраивая их рядом друг с другом на коврике. Уже практически уверенный в том, что день прошел относительно неплохо и без ссор, мужчина радостно глянул на друга,

– А где Маша?

– О, она спит. Сегодня весь день ходила бледная, жаловалась на головную боль, – юноша изобразил печаль на лице и вздохнул. Михаил свел брови домиком.

– Ох... Ну пускай лежит, – вздохнул Болдин.

– Это верно. Пройдем?

– Ага!

Оба прошли в гостиную, устраиваясь на диване. Михаил положил ногу на ногу и, глянув на Алексея, улыбнулся, будто не было ни ссор, ни неприятного разговора и второму пришлось ответить взаимностью. Но тут Михаил потупил взгляд:

– Леша, ты... Ты ведь ищешь работу?

– Ищу, – юноша глубоко кивнул, – Даже почти нашел. А что такое?

– О, это замечательно! – воскликнул мужчина, искренне радуясь, – Я правда рад! А... Да, понимаешь... – Болдин потупил взгляд, на что Алексей усмехнулся.

– Жена?

Михаил мягко усмехнулся, поднимая глаза на друга, безмолвно соглашаясь.

– Понял, – кивнул Алексей, – Да, я понимаю. Мне она уже четко дала это понять.

– Ха-ха, да... Погоди, что? – неуверенный в том, что правильно понял, Михаил похлопал глазами.

– Да, она уже сказала мне о том, что мне было бы неплохо уйти, – спокойно ответил юноша, на что собеседник чуть порозовел.

– Боже мой, прости, пожалуйста... Понимаешь, она сейчас переживает не самые лучшие времена и...

– Как давно у тебя этот рояль? – внезапно спросил Сехинов, мгновенно потерявший интерес к разговору.

– А... Он был со мной сколько я себя помню, – слабо улыбнулся мужчина, нежным взглядом оглядывая лакированные клавиши.

– То есть ему больше тридцати? – удивленно спросил Алексей, – Это же целое состояние, разве ты не понимаешь?

– Наверное. Я не уверен, но скорее всего так и есть, – мужчина вопросительно глянул на Сехинова, – Почему ты так говоришь?

Алексей вздохнул.

– Послушай, Миша, я знаю, что музыка для тебя очень много значит. Но, знаешь, люди любят себя убеждать. Кто-то однажды написал о том, как прекрасна может быть любовь и как ужасно убийство – все любят, и редко убивают, но, друг мой, если бы в книге было написано наоборот, поверь мне, люди бы упивались пролитой кровью, – юноша улыбнулся, обняв недоуменного друга за плечи, – Так же и с искусством. Без людей мир бы мог процветать, а мы испортили его, сделали наше существование бессмысленным, лишь некоторые понимают это. Так вот, искусство – попытка найти свой смысл в жизни. Я понимаю, что ты видишь в музыке успокоение, возможно, даже приравниваешь её к некой магии, которая помогает тебе справиться с жизненными проблемами, скорее всего ты считаешь, что музыка – это то, ради чего стоит жить, но, поверь мне, это не так. Я говорю тебе

все это не с целью обидеть, – юноша подвинулся к Болдину ближе, – я лишь хочу тебя образумить. Ты вовсе не глуп, я очень тебя уважаю и уверен, что ты сможешь стать таким же, как и я.

Михаил ошеломленно смотрел на друга, напряженный и не на шутку испуганный его словами. Теперь это не было похоже на юношеские амбиции, это не на шутку разыгравшееся мировоззрение.

– Как... Ты?..

Юноша улыбнулся.

– Продай рояль, Миша

– ЧТО, – Михаил округлил глаза и от неожиданности вытянул шею, в полнейшем изумлении смотря на Алексея, чувствуя, как сердце его пропустило удар.

– Продай рояль, – совершенно спокойно повторил юноша, – Ты получишь достаточно, чтобы переехать из этой дыры и сможешь еще неопределенное время жить на эти деньги.

– Нет!! Категорически нет! – почти кричал испуганный Болдин, теперь действительно обеспокоенный мыслями юноши. – Это... Это мое прошлое! И будущее!

– А настоящее? – подколот Алексей мужчину, невероятно этим довольный.

– А... И настоящее.

– Забавно как ты обесценил настоящее, да? – Сехинов усмехнулся, – Мы никогда не думаем о настоящем. Раньше

думали о нем, как о будущем, когда оно еще не наступило, но пройдет время, и оно станет прошлым. Однако пока думаешь о будущем, ты не живешь в настоящем, – Алексей вдруг схватил мужчину за руку, впившись серьезным взглядом в испуганные глаза, – Создай свое настоящее, Болдин. Продай рояль, и не придется думать о будущем.

– Но... Он и есть мое настоящее...

– Твое настоящее – это дряхлая квартира, которую ты делишь с нелюбящей тебя женой.

– Что?! – возмутился Михаил, встрепенувшись, – Ну нет, это уже ни в какие рамки не лезет, ни в какие! Ты не имеешь права!..

– Жена спит, – напомнил Алексей, – Разбудишь.

Михаил сначала опешил, но затем стал на порядок тише.

– Ты не можешь так говорить, Леша. Зачем ты это говоришь? – недоуменным шепотом спросил мужчина.

– Я хочу, чтобы ты знал правду.

– Какую еще правду?

– Маша сказала мне, что устала от тебя. Но ты ей удобен, поэтому она остается с тобой.

Алексей едва сдержал улыбку.

«Не понимаю, почему меня все еще не взяли в актеры».

– Ч-что?.. – замер Болдин, не веря услышанному, – Нет-нет, это период такой, я знаю...

«А его не пронять. Видно, сильно привязан к жене, – усмехнулся Сехинов, – Ладно, с него достаточно. И так я его

измучил».

Алексей пожал плечами.

– Она просила меня тебе не говорить, чтобы не расстраивать, но я считаю, что ты должен знать, – без особой заинтересованности сказал Алексей, вставая с дивана, – Будь я на твоём месте, я бы не показывал, что обо всем знаю, а проследил бы за ней. А теперь, позволь, я хочу немного прогуляться.

Сехинов пошел к прихожей, оделся и вышел, оставляя бедного Михаила с кучей вопросов, причем запретив ему получить на них ответы. Мужчина поджал губы, смотря на дверь, которая вела в их с женой спальню. Выдохнув, Михаил постучался и осторожно приоткрыл её, глядя на кровать, на которой лежала жена спиной к нему. Решившись, Болдин подал тихий голос:

– Маша?.. Ты спишь?..

– Нет... – ответил ему тихий, сиплый голос, но женщина не повернулась.

– Привет, я... Не помешал?.. – мужчина зашел в комнату, сядя на край кровати, – Я хотел бы немного поговорить о...

– Что тебе сказал Сехинов? – спросил тихий высокий голос.

– О... Он... Да ничего, мы говорили о музыке, – Болдин напрягся и хотел было продолжить свою незаконченную мысль, но вдруг:

– Миша, прости, я хочу побыть одна. Уходи.

– О... Конечно... – мужчина встал с кровати на ватных ногах, подрагивающей рукой взявшись за дверную ручку, после чего сглотнул. Голос дрогнул, – Я... Поиграю немного? – мужчина обернулся на женщину, надеясь хотя бы сейчас увидеть её лицо, но он заметил лишь то, как она безразлично пожала плечами. Мужчина не на шутку встревожился и притих.

– Спасибо...

Дойдя до рояля, Болдин сел на стул, взволнованно схватившись за крышку инструмента, будто ища у него поддержки. Широко открытые взволнованные глаза блуждали по комнате, пока мужчина рвано дышал, стараясь одолеть своеобразную панику. Неужели Лексей не соврал?.. Нет, это требует проверки. Выдох. Еще один.

Кажется, ему становится легче. Более-менее успокоившись, мужчина все-таки решил сыграть что-нибудь, надеясь, что так он сможет успокоиться окончательно. Это глупости, все у них с женой в порядке... Это Сехинов его запугал... Выдохнув еще раз, Михаил занес руки над клавишами, исполняя Венгерскую Рапсодию Листа – она могла бы помочь ему справиться с эмоциями. Но что-то было не то... Пальцы не попадали на нужные клавиши, мужчина не мог сосредоточиться, а музыка не влекла за собой никакого смысла. Сначала Болдин нахмурился, не понимая, что делает не так, но вдруг вскочил со стула, отстраняясь от рояля, ослепленный догадкой. В глазах появились слезы. Неужели все, что

говорил Алексей – правда?.. Но нет-нет, раньше ведь он мог отдаваться музыке! Но ведь раньше он и не думал о цели, когда играл. А теперь, когда он знает, что все это бессмысленно...

– Что же мне делать?.. – совсем отчаявшись, спросил Болдин сам у себя.

Михаил закрыл лицо руками, не веря, что он сам разрушил то, что привык считать смыслом всей жизни. Он ничего не чувствует.

VI

Шли дни. Сехинов прекрасно видел, насколько его небольшое вмешательство в личную жизнь Михаила повлияло на его отношения с женой, поэтому не собирался наносить новых ударов, поскольку пока что план Алексея работал так, как было нужно, хотя юноша не всегда понимал, что происходит с другом: поначалу Михаил просто был очень напряжен и взволнован, часто заглядывал в лица то жены, то Алексея, пытаясь уловить их настроение, но, как только Марии это надоело и она высказала мужу в лицо свое недовольство, он перестал так делать. Затем, когда мужчина понял, что дело не в его сожителях, начал искать причину в себе. Он ходил задумчивый, хмурый, полюбил ночные прогулки и оброс негустой бородой, отказавшись от ношения бакенбардов. Однажды Алексей из чистого любопытства спросил у друга, из-за чего он решил сменить имидж, на что Болдин отмахнулся, и Алексей почему-то очень четко запомнил его слова: «Да зачем их (бакенбарды) носить? Неудобно и ухаживать надо, время отнимает. А борода... Довольно удобна».

Сехинов понимал, что это лишь оправдание, а не причина, но рассуждать об этом не пытался и не хотел. Теперь, видимо, осознав, в какую пучину бренности жизни его затянуло, Болдин превратился в что-то среднее между своей первой беспокойной стадией и второй меланхолично-отстра-

ненной: он очень хотел вернуться к своему прежнему образу жизни, но мысль о том, что все в этой жизни бессмысленно, не давала ему покоя. Болдин и на работе перестал быть «веселым дядюшкой», ходил и смотрел на лица коллег, прекрасно осознавая, что они не чувствуют того же, что и он, даже не волнуются об этом. Бывали моменты, когда Михаил находил аргументы из религии, но ему нужно было подтвердить свою правоту, чтобы утвердиться в ней точно, а подтвердить её нужно было у того, кто уже однажды поставил её под сомнение – мужчина сразу шел к Алексею, но Сехинов был прожженный атеист, и раз за разом делал рану разочарования в чутком болдинском сердце только глубже, абсолютно всегда выигрывая в спорах лишь потому, что Михаил был совершенно не приучен спорить, а, наоборот, обладал редким умением слушать, принимая точку зрения собеседника, а также умел проигрывать, из-за чего, наверное, редко брал реванши. Из-за глубочайшего разочарования и в своей жизненной позиции, и в людях, Болдин стал закрытым, тихим, но пока что не терял надежды повернуть время вспять, все еще при каждой удобной возможности пытаюсь найти повод посмеяться, обрадовать других и себя в том числе, пускай это и была временная, слабая радость, а его всегда беспокойные, но до сих пор доверчивые, еще не до конца потерявшие веру в лучшее глаза всегда смотрели будто с неким удивлением и скорбью одновременно. Что касается жены... Про неё можно сказать немного. Алексей не сильно ей ин-

тересовался, но видел, что она почти не разговаривает с мужем. Видимо, обидные слова Сехинова о ней, как о плохой жене, навсегда въелись ей в память, а дальше она, как тогда думал Сехинов, додумала что-то сама и, замечая, в каком состоянии находится мужчина, решила ему не мешать, даже не догадываясь, что делает только хуже.

Единственным, кто действительно наслаждался процессом, был Сехинов. Он невероятно гордился беспорядком, который он учинил меньше, чем за неделю всего лишь одной небольшой ссорой.

«Как однако интересно все вышло... Я хотел сделать Мишу похожим на себя и понимал, что ради этого нужно будет его сломать, но я ожидал, что он хотя бы будет сопротивляться! А все оказалось так просто, – усмехнулся юноша, сидя на излюбленном диване на этот раз без книги. Незачем делать вид, что ты чем-то занят, если никто не обращает на тебя внимание, – После того, как я его сломал, мне нужно его «починить», но делать это я буду по-своему... По-сехиновски».

Вдруг юноша услышал, как вставляется в дверной замок ключ. Сехинов обрадовался – будто по заказу! Алексей открыл другу дверь, поприветствовал, отправил на кухню и разогрел приготовленный Марией ужин. Стоит отметить, что в этот день Михаил был удивительно молчалив и выглядел более уставшим, чем всегда, но глаза его, теперь будто присыпанные пеплом, смотрели уже не так печально, ско-

рее безразлично и смиренно. Заметив это, Сехинов быстро смекнул: «Начал привыкать. Нужно начинать его перевоспитывать сейчас, иначе может быть поздно». Как только ужин был окончен, Алексей любезно проводил друга на диван, усаживаясь рядом. Только вот в голову никак не лезли нужные слова... Ему нужно было многое сказать мужчине, очень многое, как вдруг...

– Ты когда-нибудь наблюдал за облаками? – внезапно спросил Болдин, оказывается все это время смотревший в окно.

Алексей поднял брови, не ожидая такого вопроса, но ответил довольно быстро в своей спокойной манере:

– Все когда-нибудь наблюдают.

– А по-настоящему? – Болдин повернулся к юноше, устремляя на него уже не веселый, но будто повзрослевший взгляд.

Сехинов вопросительно нахмурился, что было, честно говоря, едва заметно. Михаил попытался объяснить:

– Ну... Знаешь, в детстве казалось, будто они совсем еще далеко.

– Так и есть.

– Неа... Сейчас кажется, что они совсем близко, – мужчина мечтательно посмотрел в небо через окно, – будто я сейчас встану и достану их одним пальцем.

– Хах. Что ж, гордись, ты дорос до небес.

Михаил замолк, тут же опустив глаза. Мужчина медленно начал:

– Разве гордиться?

– М?

Болдин вздохнул, жалобно посмотрев на друга.

– Все так ужасно обесценилось, Леша... Раньше посмотришь на небо, думаешь, мол, никогда мне не дорасти, а сейчас ты мне предлагаешь гордиться этим... Разве так правильно? Алексей впал в ступор окончательно.

– Я не понимаю.

– Не к чему стремиться, – вздохнув, Михаил отвернулся, грустно смотря в пол, – Если бы я как и раньше боялся облаков и уважал их величие, может, был бы счастлив.

– Что это за бред? – почти воскликнул Алексей.

– Да не бред... Понимаешь... Человек ведь живет ради того, чтобы развиваться, а перестает как раз когда допускает мысль о том, что он, может, уже и дорос до вышки, зачем дальше... Хотя до неё не дорасти. Я вот думаю, – Михаил совсем слабо улыбнулся, – Если бы... Люди так боялись и уважали Бога, наверняка люди не были бы... Такими. Ты понимаешь, о чем я говорю.

Сехинов был готов взвыть. Совсем это не то, до чего должен был дойти Болдин, совсем! Ладно. Придется его довести до этого.

– Послушай, Миша... – Алексей хотел было положить руку на плечо друга, но вспомнил, что тот еще не переодевался, и брезгливо смощился, опуская руку обратно.

«Хорошо, что Миша не заметил, а то пришлось бы руку

власть на... Это».

– Знаешь... Ты прав, – улыбнулся Алексей, – Многие люди не понимают, кто стоит на вершине, не знают, кого должны слушать, а кого – нет. Ты прав! – желая приободрить мужчину, воскликнул юноша, улыбаясь, – Ты совершенно прав!

Болдин, до этого молчаливый, поникший, вдруг поднял на друга сверкающие надеждой глаза и первый раз за все эти дни под бородой показалась настоящая улыбка.

– Слава богу, я в чем-то прав! – воскликнул он и, смеясь, вдруг ринулся к Алексею, внезапно обнимая его, из-за чего по спине юноши пробежали мурашки, а сам он в ужасе задержал дыхание.

«Нет-нет-нет, только не это! У него же рабочая одежда, а у меня домашняя! Я... Черт, меня сейчас вырвет...».

Но Болдин успел отстраниться быстрее, благодарно смотря на друга.

– Спасибо... Спасибо тебе, Лешка! – он вновь улыбнулся, – Я знаю теперь, что хоть в чем-то прав...

– Да... Да, ты прав... – неловко начал юноша, очень некомфортно себя чувствуя из-за ощущения рабочего «осадка» на своей мягкой одежде, – Прав в том, что того, кто на вершине, нужно слушаться. Но... Этот «кто-то» – это человек. Бога нет, Миша.

Болдин, до этого наконец радостно улыбающийся, вдруг застыл, даже не изменив гримасу на лице. Улыбка лишь спустя какое-то время начала постепенно исчезать.

«Хорошо, дам тебе время» – терпеливо сказал сам себе Алексей.

– То есть... Ты хочешь сказать... – совсем тихо, испуганно зашептал Михаил.

– Да. Мы ходили вокруг да около, я хочу тебе сказать, что наверху ничего нет.

Болдин долго молчал, иступленно смотря на друга. Вдруг неожиданно даже для самого себя он вступил в серьезный спор:

– Послушай, зачем же тогда вообще жить? Наверху ничего нет, внизу, значит, тоже, всем вершат люди. Все, кого ты любишь, умрут, а потом умрешь и ты сам. Вера дает ответы на все человеческие вопросы, и я в ней не ошибаюсь, я знаю, – крайне серьезно проговорил Михаил, отчего Алексей польщенно поднял брови.

«Ого! Все-таки чем-то помогли эти депрессивные деньки, ты смог кое-что перенять... Посмотрим, дойдешь ли ты до конца». Сехинов спокойно продолжил дискуссию:

– Вера убеждает людей в том, что они не бесполезны, что, если будут слушаться и покорно исполнять приказы «божьи», – Павел жестами показал кавычки, на что Михаил невольно вздрогнул, – Заслужат награду в виде вечной жизни. Библия и Коран – это фантастика, выдуманная каким-то умным человеком, стоящим во главе церкви.

– И что же, любви тогда тоже нет? – провокационно спросил Михаил, выпрямляясь.

– Любовь есть. Отрицать любовь – то же, что и отрицать всю науку, – вполне довольно ответил Алексей, – Единственное, что мне не нравится, так это то, что этому явлению придают слишком большое значение: совершают подвиги, бросаются с крыш... Это все глупость. Михаил молчал, перебарывая все, что сказал ему друг, вскоре очень медленно и четко проговаривая все свои слова. В глазах помимо глубокой серьезности показался не менее глубокий страх.

– Как «глупость» может сподвигнуть человека на шедевр? Заставить совершать подвиги или, наоборот, прыгать с крыш из-за неразделенных чувств? – голос Михаила задрожал, – И ты меня тоже... Считаешь глупцом?

«Интересный монолог, – усмехнулся Сехинов, – Жаль, что короткий».

– Ты не глупец. Я считаю тебя очень умным человеком, – честно ответил Алексей, – Но ты заблуждался. А я выведу тебя из этого заблуждения.

Болдин смотрел на юношу безумными от смешанных чувств глазами. В его взгляде было все: страх, горечь, разочарование, шок, злость, а потом появились и слезы. Но Михаил быстро их сморгнул, смотря вниз. Мужчина рвано и тяжело дышал, словно сдерживая порыв новых слез, но вскоре и дыхание нормализовалось, став спокойным и ровным. Алексей замороженно наблюдал за этими изменениями, чувствуя себя ребенком около разноцветной карусели, только то, что происходило с Михаилом, происходило не само по

себе, а по воле Сехинова. Прекрасно понимая, что именно сейчас происходит кульминационный момент перевоспитания, юноша не мог сдержать восторженной улыбки, мгновенно выросшей на его лице.

Михаил поднял взгляд. Серьезный и... Мертвый. Такой бывает у солдата на войне, он называется «взгляд на две тысячи ярдов», когда человек не может осознать, что с ним. Голос Болдина был странным, он словно охрип за несколько мгновений, состарился за пару секунд.

– Я понял. Мне нужно идти.

Глаза мужчины заслезились, и он встал с кровати, быстро перемещаясь к себе в комнату. Сехинов, будучи под сильным впечатлением, лег на диван, поджав ноги, и устремил взор в потолок.

«Я... Впечатлен, – сказал он сам себе, – Но я не верю, что это произошло так быстро. Его вера не могла быть слаба, если он так переживал; значит, кто-то уже не раз пытался донести до него мою мысль до меня... Но кто? И почему именно мои слова его так задели, заставили задуматься? – Сехинов задумчиво почесывал подбородок,

– Очень странно. Возможно, я сначала обнадежил его, а затем сломал... Нет, я делал так и раньше. Скорее всего, он сам нашел подтверждение моим словам или кто-то до меня подорвал его уверенность на работе... Это самое разумное объяснение. Впрочем, мне не о чем переживать, – Алексей чуть поерзал, устраиваясь поудобнее. – С союзником добить-

ся вершины мира будет намного легче. Я выиграл эту войну, – задумавшись, Сехинов добавил, – но все-таки рояль он никогда не продаст».

VII

На следующий день Михаил долго отказывался выходить из спальни и не поддавался даже на уговоры жены, просто игнорируя их. Лежа в кровати, он отвернулся, казалось, от всего мира, и в первую очередь от Сехинова, который пока что об этом не догадывался. До неприличного беспечно он лежал на диване, мечтательно глядя в потолок и размышляя о будущих планах на жизнь. У него еще никогда не было друга, который бы полностью разделял его взгляды и помогал в достижении общей цели, но теперь, когда рядом полностью перепрограммированный Мишка, будет намного проще...

«Теперь его ничто не держит, и мы сможем идти по головам, ничего не страшась... Я наконец верну работу, а потом стану директором, как хотел всегда! Болдин мне поможет, будет брать харизмой, а я умом, после чего...»

Но его мысли прервала выскочившая из комнаты Мария. Она была бледной и крайне встревоженной, это немного напрягло, но юноша никогда не воспринимал всерьез капризы женщин, из-за чего только лениво сел на диване, нехотя подняв глаза на жену своего будущего верного друга. Зазвучал тихий дрожащий голос:

– О чем вы говорили вчера?..

– Вчера? О всякой ерунде, поверьте.

– Вот как? – нервно усмехнулась женщина, напрягаясь

еще сильнее, – Вы бы не назвали свои драгоценные убеждения ерундой.

Сехинов засмеялся.

– Вы невероятно проникательны. Допустим, не о ерунде, а что такое?

– Он не встает с постели... Я уверена, что это вы виноваты в этом. Но мало того... – Мария нервно задышала, пытаюсь спрятать показавшиеся в глазах слезы страха, и невольно заговорила шепотом, – Он не взял в руки Библию, когда я пыталась дать ему её... – Мария сильно вздрогнула, вскоре глубоко вздохнув, пытаюсь себя успокоить, – Такого никогда не случилось, даже когда он болел, находил в себе силы читать, а теперь...

– А теперь все поменялось, – Сехинов встал со своего лежбища, пустым взором смотря на женщину, – Видимо, Михаил достиг нового уровня.

Женщина сильно насторожилась, отойдя на пару шагов от гостя.

– Это вы ему что-то сказали?..

– Сказал. Но я не думаю, что он принял бы это так близко к сердцу, если бы не догадывался сам, правда? То, что происходит – это нормально. Это последняя стадия принятия, – Алексей улыбнулся просто чтобы успокоить Марию, – Я поговорю с ним, а вы побудьте здесь.

Не успев ничего сказать, женщина только проводила Алексея недоуменным взглядом, отмерев только тогда, ко-

гда дверь в спальню закрылась.

Юноша вошел в неосвещенное из-за закрытых занавесок помещение, не пытаясь разглядывать комнату. Он почти сразу увидел перед собой постель, на которой, поджав под себя ноги, спиной к вошедшему лежал Михаил. Сехинов не смог бы разглядеть его лица даже если бы Болдин лежал к нему лицом – слишком темно.

Алексей усмехнулся и сел на край кровати, начиная говорить.

– Миша, я понимаю, что тебе нелегко. Конечно, тяжело, когда сначала веришь во что-то, а затем тебе приходится это разрушать, причем самому. Но я действительно горжусь тобой, – Алексей специально менял тон на более уверенный и даже смог сделать голос чуть ниже, стараясь выглядеть крайне убедительным, – Твои старания не напрасны, дружище, поверь мне. Ты проделал огромный путь, разве теперь ты сдашься так быстро?

Пускай вопрос был риторическим, Сехинов все равно решил подождать на него ответ, но Михаил не сказал ни слова, поэтому Алексей терпеливо продолжил:

– Ты очень силен, очень. И ты сможешь победить это поганое состояние, которое засело внутри тебя. Я понимаю, что жена тебе вряд ли помогла, все-таки она не может понимать всего, но я ведь отныне твой друг. Теперь у нас схожи мировоззрения, и мы сможем вершить великие дела вместе! Давай же, Мишка... – Алексей уложил руку на плечо мужчи-

не, который даже не пошевелился, – я знаю, что тебе нужно время, но ты скажи, сколько. Я буду ждать.

Болдин молчал. Сехинов насторожился. Подвинувшись ближе, Алексей попытался уловить дыхание друга, но у него не вышло, что стало поводом для беспокойства. Юноша решительно выдохнул, намеренный перевернуть друга и посмотреть на его лицо, но вдруг...

– Уходи, Алексей. Уйди вместе с Машей гулять, – безразличный, почти неживой голос.

Алексей незаметно выдохнул с облегчением.

– Хорошо-хорошо, как ты скажешь, – почтенным тоном ответил Сехинов, – На сколько?

– Три часа.

– Хорошо. Отдыхай.

Сехинов вышел из комнаты, полностью уверенный в том, что ситуация под контролем, в добавок успокоенный тем, что с Михаилом все в порядке. Он обратился к жене.

– Все хорошо, но нам нужно выйти из дома на три часа, дать ему побыть в одиночестве.

Мария облегченно выдохнула и без лишних вопросов пошла собираться. Вскоре оба бродили по парку, не забыв засечь время ровно на три часа, чтобы не проводить друг с другом и на минуту больше времени, чем нужно.

– Я не понимаю, зачем вы так поступаете, Алексей, – вымученно призналась несчастная женщина, – Не понимаю, зачем так мучаете моего мужа...

– Я не мучаю. Он сам себя мучает, – холодно ответил юноша, – Я лишь его к этому подтолкнул. Ненамеренно, конечно, – солгал Алексей.

– Все вы врете, – женщина поджала губы в подступающей ярости. Сехинов закатил глаза, развернулся и, не медля, пошел в обратном направлении. Мария удивленно подняла брови, воскликнув:

– Куда вы? Вы так боитесь того, что я различаю ложь? – изумленно спросила женщина, после чего добавила совершенно искренне, – Слушайте, мне вас жалко.

– Я ничего не боюсь, – остановившись, Алексей развернулся в своей резкой манере, держа руки в карманах пальто, – Но я не намерен больше проводить с вами ни секунды своего времени. В пять мы и так снова встретимся дома, я уже сыт по горло вашей компанией.

Вновь развернувшись, юноша спешно пошел дальше, держа спину идеально ровной, на что Мария раздраженно фыркнула и пошла своей дорогой.

Так уж вышло, что вечером Алексей первый пришел обратно домой. Открыв дверь ключом, который ему любезно одолжили в самом начале его проживания, мужчина разделся и прошел в гостиную комнату, окна которой почему-то были занавешены, но больше всего удивило присутствие Михаила в комнате: он сидел, сгорбившись, на стуле у окна. Несмотря на то, что был заметен лишь силуэт мужчины, Сехинов сразу понял, что добряк Болдин был очень угрюм и

хмур. Юноша усмехнулся. «Я понял, нужно еще больше времени» – догадался Алексей. Он хотел было пойти на кухню, но вдруг понял: рояля нет. Алексей замер от удивления, почти со страхом в глазах смотря на друга, но разубеждая себя сейчас же.

«Нет. Не может быть. Это уловка, я знаю».

Решив проверить свою версию, Сехинов будто невзначай спросил:

– А рояль где?

– Продал, – сухо, но молниеносно ответил мужчина, не подняв глаз и даже не дернувшись, – Деньги важнее.

Сехинов замер, стоя в полном изумлении. Да, вчерашний разговор, конечно, имел влияние на друга, но не такое же...

Не зная, какие подобрать слова и какую принять позицию, Алексей в замешательстве отвёл глаза к двери и тут же застыл. В другой комнате, которую Алексей обозвал мастерской, и где любила в последнее время проводить время Мария, стоял рояль, заботливо прикрытый скатертью: Сехинов узнал этот выразительный изгиб, под которым прогибалась ткань.

«Шутит...» – тут же вонзилась в голову юноши мысль, которая произвела на мужчину огромное впечатление: он был и рад, и успокоен, и даже слегка обижен этим маленьким обманом. «Шутит, дразнит, прирожденный кукловод... Становится хитр! Хочет проучить! Думает, я свои слова назад возьму! Ну давай, сразимся!» Он одобрительно засмеялся.

– Молодец! К черту рояль! Музыка нас сковывает, не движет к успеху, тормозит. Однако ты быстро прогрессируешь, Мишка! Вчера об этом и речи не было, а ты сам дошел, эка! Молодец, Мишка! (он хлопнул его по плечу, подходя ближе) Молодец! Как же, будешь жить без Шуберта? – и засмеялся снова, искренне надеясь, что Михаил засмеется вместе с ним, хотя пока он не издал ни звука.

– Придется без Шуберта, – тот же мрак и холод в голосе, что и раньше.

Алексей скептически сщурился. «А хорошо держится, молодец. Нужно поднажать».

– Вот-вот! Привыкнешь же потом, сможешь без своих бесконечных нот. Аль и их продал?! – и снова наигранно рассмеялся.

– Нет, их оставил, – Михаил раздражённо повернулся и первый раз за этот день устремил воспаленные от долгих и горьких слез глаза на друга, показывая злое и измученное лицо, цедя каждое слово сквозь зубы, – Что тебе, Сехинов?

Алексей, сам не зная почему, продрог. То ли его испугал этот взгляд, всегда радостный, но теперь наполненный агонией и тяжелым безумием, то ли своя же фамилия, первый раз звучащая так нервно и с такой ненавистью. Сехинов мягко улыбнулся.

– Полно, Миша! Я же знаю, ты шутишь!

Болдин крупно задрожал от усталости и чувств, захлестывающих его, и отвернулся. Теперь и Алексей начал раздра-

жаться, первый раз не контролируя эмоции.

– Да что за цирк ты устроил, в конце концов? – не стерпев, Алексей повысил голос, – Это уже слишком далеко зашло! Зачем рояль-то прячешь? Ты мне не проймешь, я и так все понял, сразу понял! – Сехинов, сказав все это, быстро направился к прикрытому роялю, чем Болдин даже слегка заинтересовался, подняв глаза на друга, который тем временем что есть силы дернул ткань, служившую пока что единственным доказательством игры Михаила.

Однако вместо ожидаемого инструмента взору Алексея предстала обычная швейная машинка, именно та, которую он видел раньше. Просто удачно падал свет, казалось, под скатертью что-то большое. Алексей перевел широко открытые от шока глаза на мужчину и, в один прыжок оказавшись рядом с Михаилом, закричал во все горло:

– Ты совсем спятил, Скалровский?! Какого же черта ты!?!..

– А что могу я сделать?! – вскричал в отчаянной агонии Болдин, резко встав со стула и повернувшись к Сехинову, тут же инстинктивно отшагнувшему от мужчины в страхе: перед Алексеем предстало раскрасневшееся от слез лицо и почти такие же красные, отдающие желтым цветом широко раскрытые и воспалённые глаза Михаила, в яростном отчаянии глядящие на юношу. Тяжело дыша и вздрагивая, Михаил заговорил дрожащим голосом:

– Ты же мне выбора не оставил... Все опорочил... Все, чем я жил, опорочил!! – Миша сорвался на крик, но упал на

колени, опираясь рукой о табуретку, на которой до этого сидел, истерически хватая ртом недостающий воздух. Опустив растрепанную голову, он пытался дышать, дрожа и держась за часто вздымающуюся грудь. Алексей, оцепенев, молча наблюдал за происходящим. Возможно, он знал бы, что ему сделать, если бы решил «оценить ситуацию» трезвым умом, как он обычно старался делать всегда, чтобы не потерять репутации, но сейчас Сехинов не мог думать. Его теория о легком преодолении эмоций дала трещину, и он с ужасом осознавал это. Никто не может сказать, что стало бы с Болдиным, если бы не пришла жена мужчины. Вся бледная от страха, она подняла мужчину за локоть, усаживая на табурет еще не отдышавшегося Болдина, и тут же вновь убежала на кухню, возвращаясь со стаканом воды и незамедлительно помогая мужчине его выпить. Мария в гневе посмотрела на Сехинова, только стакан был выпит, а мужчина отдышался.

– Ты... Это все ты... – женщина пошла на юношу, надвигаясь медленно, будто кобра, гипнотизирующая свою добычу, пока Алексей стоял на месте – Тварь... Ты за все заплатишь...

– Маша... – послышался ослабший, хилый голос Михаила, пришедшего в себя.

– Я тебе больше не позволю отравлять жизнь ни мне, ни Мише...

– Маша, пожалуйста...

– Ты уйдешь отсюда сейчас же...

– Послушай... Послушай меня... Не нужно... – мужчина встал с табурета и осторожно уложил ладонь на плечо женщины со спины, на что та обернулась на Михаила, цедя сквозь зубы:

– Тебя никто не спрашивал. Сядь обратно, я разберусь сама, – она сбросила его руку со своего плеча, снова оборачиваясь на Алексея, чему оба крайне удивились: Алексей поднял брови, а Михаил застыл, стоя позади женщины. К горлу поднялся гнев, все обиды, оставшиеся невысказанными, из-за чего накатили и слезы. На лице крайне опасно заиграли желваки, и мужчина шумно задышал, не предвещая ничего хорошего, сверля женщину яростным взглядом со спины. Пока со спины. Михаил вцепился сильными пальцами в плечо Марии, насильно оборачивая недоуменную жену к себе. Она подняла на Михаила возмущенный взгляд, но тут же изменила его на испуганный, стоило увидеть страшное, злое, но все еще любимое лицо.

– Я сказал послушать меня, – проговорил первый раз в жизни стальной голос.

– Миша...

– Заткнись.

Болдин долго смотрел на Марию, все еще держа её за плечо, не давая стоящим в глазах слезам глубокой обиды упасть на щеки. Он тихо заговорил.

– Ты никогда не думала о нас. Ты думала о себе. А я делал все. Ты знала, как сильно мне нужен был кабинет. Ты

знала. Но у нас теперь там твоя мастерская, в которой ты нихрена не работаешь. Мне это конкретно надоело, – Михаил приблизился к испуганному лицу женщины, ни разу не моргнув, – Я ненавижу тебя.

В глазах женщины заблестели горькие слезы, но мужчина никак не среагировал на это. Он грубо посмотрел на Алексея.

– Вы оба друг друга стоите.

Сехинов в изумлении стоял за женой мужчины, которая, опустив глаза, бесшумно роняла слезы. «Нет-нет, этого не должно было произойти... Надо что-то сказать». Алексей начал тихо говорить:

– Миша, ты сейчас находишься в неуравновешенном состоянии... Пожалуйста, позволь нам...

– Ты вообще молчи, грязный червяк... – процедил сквозь зубы мужчина, снова начиная часто дышать. Болдин скривил губы в приступе подступающей истерики, – Я искренне жалею, что вообще разрешил тебе остаться.

Дыхание вновь участилось, готовя Михаила к новой волне слез, и он, не желая никого больше видеть, в три шага оказался в мастерской жены и, зайдя внутрь, запер дверь, но не на замок, понимая, что к нему и так никто не заявится. Мария закрыла глаза и прислонила ладони к лицу, тоже тихо плача, после чего быстро ушла в спальню.

Сехинов проводил её взглядом, отчего-то чувствуя, что его сердце сжимается в жалости к этому неопределенному

существо. Он понимал, что каждый сейчас думал о своем. И он тоже. Сев на диван, юноша уперся локтями в колени, чтобы уложить подбородок на ладони.

«Да... Я совсем такого не ожидал. Думал, что победил, а оказалось, что все это время сам себе рыл могилу, – думал юноша. Он вздохнул, – Я понял свою ошибку. Никого нельзя перевоспитать, даже если очень хочется. Можно вложить новое ребенку или собаке, но не человеку. Иначе будет одна, а то и больше искалеченных жизней». Алексей долго сидел так, рассуждая. Он думал и о Марии, и о Мише, даже затронул свою теорию, но вскользь. Сейчас не хочется разбираться, в чем был его просчет. Сехинов понимал, что должен будет очень скоро уехать из этого дома и больше никогда не возвращаться обратно, но для начала ему следует поговорить со своими сожителями. Этой ночью юноша первый раз лег спать в домашней, а не в ночной одежде.

VIII

Сехинов медленно открыл глаза, чувствуя, что кто-то крайне активно пытается его разбудить. Проморгавшись, юноша увидел перед собой испуганное лицо женщины, и только спустя пару мгновений начал кое-как разбирать её беспокойные слова, слыша только обрывки фраз.

– Лексей, проснись, проснись... Там... Миша... Я боюсь, он... Я не понимаю, там...

– Стой, стой... – зазвучал хриплый от сна голос, пока сам Сехинов сел на диване, смотря на Марию на удивление незаспаннми глазами. Зевнув, Алексей устало заговорил:

– Успокойся и скажи нормально, что случилось. Женщина выдохнула, пытаясь успокоиться.

– Миша до сих пор не выходил из комнаты. Я заглянула – он спит. Но как-то очень долго... И... Я боюсь его будить, но...

– Все в порядке. Вчера у него был срыв, это понятно, почему он спит так долго... – Алексей начал медленно вставать с дивана, уловив своим превосходным слухом язвительный смешок со стороны уже подуспокоившейся Марии. Она скрестила руки на груди.

– Не забывай, из-за кого у него был срыв, – с отвращением посмотрев на Сехинова, она продолжила командовать, – Разбуди его. И уходи на все четыре стороны.

Развернувшись, Мария ушла на кухню, видимо, готовить завтрак, пока Алексей пораженно смотрел на неё. Он нервно усмехнулся:

«Да-а, интересно... То есть, когда ей нужна была помощь и было страшно, она обратилась ко мне, а теперь как будто решила вспомнить как ко мне нужно относиться. Ладно, разбуду Мишу и пойду, наконец, отсюда».

Окончательно поднявшись, Сехинов прошел до уже открытой мастерской, где увидел спящего прямо на столе Скалр... Болдина. Сложив на нем руки, Михаил ткнулся в них лбом, казалось, не дыша. Вздохнув, Алексей подошел к мужчине, кладя ладонь на его спину.

– Миша, проснись... Твоя жена мне весь мозг уже выела.

Нет ответа. Сехинов вздохнул и от души потряс Болдина за плечо, но все-таки аккуратно.

«Нет, он бы уже точно проснулся, если бы спал. Притворяется...». Алексей нервно выдохнул и развел руками.

– Ну прости меня! Я же не знал, что ты будешь так слаб, что не сможешь принять новую правду! Я понял, что лучше не портить жизнь людям пропагандой своих убеждений... Идет? – лениво спросил Алексей, надеясь, что это «раскаяние» заставит мужчину подняться, но вскоре раздраженно выдохнул, – Да встань ты уже наконец!

Сехинов внезапно столкнул мужчину со стола. Тело приземлилось на пол со страшным звуком, из-за чего Алексей вздрогнул, испугавшись, что Болдин мог себе что-то сло-

мать, но вдруг остолбенел, увидев открывшуюся ему картину, покрываясь холодным потом, от страха даже сгорбившись. Лицо Михаила было бледным, глаза все еще закрыты, а губы мужчины, некогда розоватого оттенка, побледнели, став почти синими. Алексей, преодолевая свой страх, на ватных ногах подошел к мужчине, почти падая на колени. Он потянулся подрагивающей рукой к сонной артерии на бледной шее, надеясь все-таки опровергнуть догадку, чем подтвердить её, но, едва коснувшись, сразу отдернул руку, чуть не вскрикнув, стоило ему подушечками пальцев почувствовать ледяную кожу покойника. Бешено вскочив с пола, юноша, не помня себя, стрелой выбежал из комнаты, от испуга вскрикнув, как только на выходе показалась жена мертвого мужа. Тяжело дыша, юноша смотрел на неё полными страха глазами, к своему ужасу осознавая, что сообщать страшную новость придется именно ему... Мария, не понимая испуга юноши, нахмурилась.

– В чем дело? Он встал или нет?

«Он больше никогда не встанет... Нет, звучит не так... А к-как же... – думал юноша, перебирая в голове варианты того, как мягче сказать о смерти Михаила, – Может...»

– Он... – следующие слова засели глубоко в горле и, пока Сехинов с трудом проталкивал их, в голову приходили все новые мысли, но навсегда засела лишь одна.

«Это я виноват, это я виноват, это я... Я погубил...».

Глаза наполнились слезами. Первый раз за несколько лет,

а может и за всю жизнь. Женщина, увидев мокрый взгляд мужчины, очень насторожилась, пытаясь пройти в комнату мимо юноши. И стоило Сехинову это понять, он тут же схватил её за плечи, не пуская.

«НЕТ... Она не должна видеть...».

Мария возмущенно посмотрела на Алексея, но от попыток выбраться из его захвата её остановили полные отчаяния глаза. Раздалась лишь одна фраза:

– Он умер...

Лежа в своей постели, Алексей уже битый час не мог уснуть, вновь и вновь прогоняя в голове случившиеся с ним недавно события.

Пускай он уже успел найти жилье и даже устроиться на работу, вид мертвого тела своего некогда друга и шок в глазах его жены забыть было очень трудно, если не невозможно. Переворачиваясь с одного бока на другой, он думал. Хмуро сведенные к переносице светлые брови и карие глаза задумчиво смотрели вниз, пока белая Луна освещала золотистые волосы, лоснящиеся на тусклом свете. Юноша, может, и хотел бы заснуть, но прекрасно понимал, что провалиться в сладкую негу долгожданного сна не получится. С тех пор как Михаила похоронили, мужчина засыпал только если выпивал снотворное или просто очень сильно уставал. Не понимая, что так его гложет, но догадываясь, что, возможно, на

его состояние повлияло его отсутствие на похоронах, Сехинов решил вернуться к проверенному методу и попробовать отвлечься от эмоций, уговорив себя:

«Ну умер и умер... Каждый день умирает не один десяток людей, зачем нужны такие торжества? Если так бездумно тратиться на каждого умершего, да еще и выделять бешенные суммы на похороны, отпевание, памятник, русский меланхоличный народ совсем обнищает! Умер... Хм... – Алексей нахмурил брови, – Что вообще значит «умер»?»

Ворочась с бока на бок, Алексей думал теперь об этом. Огромный рой мыслей, неизвестно как поместившийся в обычной человеческой голове, теперь вызывал необъяснимую тревожность, не давал зарыться носом в пух подушки, обернуть вокруг себя одеяло и благополучно заснуть. Было ощущение того, что мужчина упускает что-то крайне важное... Такое же чувство настигает ответственного человека, когда вдруг посреди рабочего дня он вспоминает, что совершенно забыл помочь давнему другу, хотя обещал навестить его уже не в первый и не во второй раз. Только теперь зайти к другу уже не получится...

«Умер – значит больше никогда его не увидишь, – констатировал Сехинов».

Озаренный этой мыслью, Сехинов перевернулся на спину, подложив руки под затылок, устремив взгляд в белый потолок, раздумывая.

«Никогда не увидишь... Да и что? Как будто мы были

шибко близки.

Может, и хорошо, что его нет больше на свете!» – внезапно даже для самого себя подумал Сехинов, но, стоило этой мысли проскочить в сознании юноши, он почувствовал как сильно у него сжалось сердце, чему он очень удивился и даже привстал с кровати, держась на локтях.

«Это... Что такое?.. Мне его... Жаль?.. Но я же не могу...»

Пораженный своим же поведением, мужчина вздохнул, вставая с постели и отправляясь на кухню – ужасно душила жажда, да и заснуть все равно не получится...

«Ничего... Сейчас попью чайку и, может, усну...» – с этими словами уже чуть ржавеющий чайник был поставлен на конфорку. Но Сехинова мучила совсем не жажда... А какое-то странное чувство. Он чувствовал как будто под сердцем больно сжимается и разжимается какая-то лишняя мышца, мешая жить как раньше.

«Было бы неплохо выдрать её вовсе вместе с сердцем... Чтобы больше не было больно. Чтобы больше не чувствовать... » – подумал Алексей.

Уставившись в одну точку, Алексей дал волю случайно просочившимся в мыслям:

«Мишка... Удивительно наивный, но поэтому и добрый, отзывчивый человек... Был...». Сехинов встряхнул головой, как только с удивлением почувствовал, что в носу засвербело.

Снова кровать, подушка, одеяло.

«Да, умер. Нет, не жалко» – твердили упрямые мысли.

Алексей едва слышно вздохнул. Так много недосказанностей и непонимания было между старыми приятелями, а Мишка все прощал, всегда!.. Подняв глаза к потолку, словно уверенный в том, что старый друг слышит его, мужчина, сам того не ожидая, заговорил одними только губами, не узнавая свой дрожащий голос:

– Мишка... Прости меня...

Глаза тут же защипало, полились горькие, редкие слезы – самое ценное сострадание, которое может выразить человек нежелающий чувствовать. Почему ему так больно?.. Наоборот же! Все наоборот! Пытаясь успокоиться, мужчина сквозь произвольные всхлипы рассерженно рычал:

– Не видеть бы только мерзкую рожу Болдина! Да! И хорошо, что он умер! – и, закрыв лицо руками, разрыдался только больше.

Прорыдав всю ночь и не успев успокоиться и под утро, Алексей явился на кладбище. Одетый в темное пальто и темно-синий шарф, мужчина поднял опухшие глаза. Первый раз он прогулял работу не из-за здоровья. Красные глаза увидели бесконечные могилы. Вновь опустив голову, он тихо шмыгнул носом и шаркнул ногой, наконец принимая все, что чувствует.

– Веди меня, Мишка!

И пошел прямо, минуя холодные надгробия могил.

IX

Голиаф усмехнулся.

– Интересная история. Мораль, которую вы хотите до меня донести, понятна, но вы же не думали, что я действительно проникнусь?

Скалровский поднял брови, на что Абатуров неконтролируемо улыбнулся.

– Вы действительно считали, что я изменю свое мнение? Что стану добрым и хорошим, как сделали вы?

– Я? – усмехнулся Алексей, – Это был не я, Голиаф, я рассказывал о...

– Перестаньте врать. Пару раз вы оговорились, назвав якобы Болдина Скалровским, – серьезное, почти мертвое лицо смотрело на седого старика, – Я уже давно понял, что вы взяли себе его фамилию. Потому что вы себя вините. Потому что вы надеетесь, что так вам будет хотя бы не стыдно перед самим собой. Но вам стыдно. Вы – глупец, Сехинов.

Глаза Алексея вспыхнули, вены на шее вздулись. Он приблизился к юноше, проговаривая каждое слово.

– Скалровский. Алексей Скалровский. Я не был глуп. Я болел, и вы знаете это лучше, чем я. Но я излечился благодаря Михаилу, – опасно низким тоном проговорил Алексей, смотря на безразличного Голиафа, вскоре вновь отстраняясь, – Благодаря его взглядам. Я уверовал, Голиаф, и имею

в запасе много аргументов, подтверждающих существование Бога. Мои убеждения тверды, и я не собираюсь повторять ошибку Михаила так же, как не собираюсь повторить и свою.

– Вы уже её повторили.

Алексей пару раз моргнул, слабо подняв брови.

– Что?

– Рассказав мне весь этот бред, который я был вынужден покорно выслушать, вы попытались навязать мне свою точку зрения. Точно так же, как вы сделали с Михаилом, – смертельно ледяные глаза смотрели на мужчину, – Вы хотите и моей смерти тоже? Как-то не по религии.

Алексей возмущенно поднял брови, когда Голиаф снова отвернулся, рассматривая кубики льда в своем пустом стакане.

– Что?! Нет! Я... – он выдохнул, пытаясь успокоиться, – Я лишь хотел сказать, что любая болезнь излечима, даже психопатия, надо лишь...

– Вы не болели. Вы просто были скотом.

Скалровский застыл, не способный ничего ответить, пока Абатуров лениво продолжал:

– Скорее всего вы страдали деперсонализацией, которая постепенно переросла в дереализацию. Не знаю, из-за чего, впрочем, и знать мне не хочется, вы начали отчуждать свои эмоции. Возможно, сначала вам было страшно, но потом вы даже начали ловить кайф, а затем, видя как вас ничто не веселит или печалит, вы решили, что можете управлять

людьми, поскольку вы от природы достаточно проницательны. У вас хорошо получалось, – Абатуров повернул голову к собеседнику, – Вы даже убили человека.

Алексей закрыл глаза, опуская голову. Ему было больно это слышать, хотя он и понимал, что это правда. Вздохнув, старик снова глянул на юношу.

– Я думал, это называется психопатия... Откуда вам известно так много?

– Вы думали, я ни разу не интересовался своим состоянием?

– Да, но...

– Психопат – это человек с низким уровнем эмпатии. Зачастую он и сам не может осознать, что чувствует, – Голиаф глянул на старика, усмехнувшись, – Но вы не такой. Вы не только понимаете чувства других, но и в совершенстве управляете ими, как я выяснил из вашего рассказа. Даже можете убить человека.

– Хватит... – Алексей выдохнул, утерев лоб ладонью, – Я сменил фамилию не только из чувства вины. Я хотел разделить жизнь на

«до» и «после», надеясь больше никогда не возвращаться к тому Сехинову, которым я когда-то был.

Голиаф усмехнулся, скрестив руки на груди.

– Вы думаете, что у вас получилось?

– Я... Полагаю, что да.

Абатуров отрицательно покачал головой.

– Вы ошибаетесь, Алексей. Вы никогда не переставали быть Сехиновым. То, что спрятано в недрах человеческого разума, остается там навсегда. Люди не меняются, даже если очень этого желают, вы и сами это знаете.

Скалровский начал раздражаться:

– Послушайте, Голиаф, вы очень юны. Когда вы дорастете до моего возраста, вы станете понимать, о чем я говорил, вы сразу пожалете обо всем, что сейчас мне сказали. Я действительно исправился, я понял свои ошибки и захотел быть лучше, кто-то другой на моем месте уже давно бы опустил руки.

– Что с вашей собакой?

Скалровский на мгновение замер, после чего нахмурился, не поняв вопроса.

– Простите?

– Ваша собака. Ну, которую вы бросили еще в самом начале вашей сказки, – Голиаф спокойно ожидал ответа, пока мужчина задумчиво опустил глаза, вскоре усмехнувшись.

– А вы правы, это ведь и впрямь вышла сказка.

– Не понял.

Старик пожал плечами, поднимая на юношу глаза:

– Я многое позабыл. Что-то выдумал, что-то искаверкал. Хах... А ведь вы были правы с самого начала, говоря о том, что мой рассказ – сказка.

– Я и сейчас окажусь прав. Так что с собакой? Алексей пожал плечами.

– Откуда я могу знать? Надеюсь, нашла новых хозяев.

– То есть, вы не пытались её искать?

– Зачем? – мужчина поднял брови.

– Вы ведь поняли свою ошибку. Почему-то ошибку с Михаилом вы попытались хоть как-то исправить, а об этой вспомнили только сейчас.

Мужчина вспыхнул.

– И как же я что-нибудь исправил бы?

– Никак.

– Ну вот и вс...

– Но ведь и с Михаилом ничего не исправить, так зачем же вы пытаетесь? Причем пытаетесь грандиозно. Как поживает его жена?

– Откуда я-то могу об этом знать?! – рывкнул Сехинов, потихоньку начиная сердиться всерьез.

– Ну надо же! То есть, вы взяли его фамилию, решились кардинально изменить мировоззрение только в память о покойнике, но даже не интересовались о его жене? Это крайне благородно, – Голиаф вздохнул, вставая со стула, – Спасибо за разговор, но мне нужно идти.

Абатуров протянул мужчине ладонь для рукопожатия. Старик молча смотрел на него, но не злобно. В его глазах был изображен интерес вместе с легким испугом, словно Алексей только что узнал какие-то страшные тайны о прошлом Голиафа, из-за чего Абатуров напрягся, но, стоило старику пожать его руку, задействовал нужные мышцы и улыбнулся,

как вдруг:

– Твои родители обрекли тебя на тяжкую судьбу, дав тебе это имя, – проговорил суровый бас, – Ты скоро все поймешь. Ступай.

И, отпустив руку юноши, отвернулся, облокотившись на стол, схмутив брови, явно о чем-то размышляя. Голиаф не придал этому значения и, пожав плечами, отправился прочь из бара, захватив свою сумку, ни о чем не думая и не размышляя.

Дойдя до дома, юноша поднялся к своей квартире, но, увидев двух полицейских около его двери, остановился. Его пробрала дрожь, и Голиаф хотел было уже сбежать, но вдруг его окликнули:

– Извините! Это вы Голиаф Абатуров?

Юноша понял, что бежать бесполезно. Они рано или поздно его нашли бы. Он нарисовал у себя на лице улыбку.

– Все верно, это я.

Один хранитель порядка подошел к юноше.

– Вам нужно пройти с нами.

X

Голиаф сидел в камере для допросов, смотря в стол, стоящий перед ним. Он не оглядывал помещение, но прекрасно знал, что справа от него находится двусторонне зеркало, за которым сидят люди, наблюдающие за ним. Он знает, что его вызвали не просто так, и прекрасно понимает, что его будут допрашивать. Но о чем?.. В комнату вошел загорелый, от природы уставший мужчина с черными, как смоль, коротко стриженными волосами и небритой щетиной. Абатуров невольно поднял на него спокойный взгляд.

– Извините, что заставил вас ждать, – сказал следователь, присаживаясь на стул рядом с юношей, – Итак... Голиаф Абатуров, верно?

– Все так.

– У вас интересное имя. Меня зовут Борис Николаевич, будем с вами знакомы, – следователь мимолетом улыбается, – знаете ли вы, по какой причине вы находитесь здесь?

– Нет, Борис Николаевич.

– Хорошо. Тебе когда-нибудь зачитывали твои права?

– Нет.

– Возможно, ты видел это в фильмах, но по протоколу я обязан тебе их прочесть.

Абатуров молча кивнул, не показывая никакой реакции и даже не слушая, что ему говорят. Что-то про съемку и адво-

ката... Это не важно. Мысли юноши сейчас сосредоточены совсем на другом.

– Ты не хочешь воды перед тем как мы начнем, Голиаф? Хорошо себя чувствуешь?

– Все в порядке, спасибо за беспокойство.

Чтобы не вызвать подозрений, студент слабо улыбнулся, надеясь таким жестом показать свою дружелюбность. Если сотрудничать со следствием и подчиняться им, все пройдет хорошо. Но ему страшно, и этого нельзя показывать.

– Хорошо, Голиаф. Скажи, пожалуйста, ты знаком с этой девушкой? – вынув фотографию из папки с материалами дела, мужчина внимательно посмотрел на юношу.

– Да. Это Марта Озёрова.

– Ты её знаешь? Вы встречались?

– Нет.

Детектив поднял брови.

– Разве нет? Твои друзья рассказали мне иначе.

– Они могли многое вам рассказать, – на мужчину поднялись мучительно холодные глаза, – Но мы с Мартой были просто друзьями. Хотя... Не думаю. Даже не друзьями.

– Не друзьями? Почему?

– Ну, она была умна, но мы не сходились в мнениях. Я всегда считал, что стоит учиться и узнавать новое, и только в этом есть смысл, но она... Мешала.

Абатуров сразу прикусил язык за зубами, понимая, что сказал явно лишнее. Заинтересованный следователь подвиг-

нулся к нему.

– Что это значит?

– Мешала на лекциях, – поспешно добавил юноша, – Все время смеялась, отвлекала других... И все такое. Она схватывала на лету и не понимала, что не все могут так же.

– Я тебя понял. Когда ты видел её в последний раз?

– Я... Не уверен, Борис Николаевич.

– Все хорошо, не переживай, – мужчина чуть скептически оглядел юношу, – Знаешь, за последние минут двадцать ты почти не менялся в лице. С тобой все хорошо? Если это такая тактика, лучше её не использовать.

Голиаф почувствовал, как сердце пропустило пару болезненных ударов.

– Я... Нет, я...

Абатуров заставил себя неловко поерзать на стуле, показывая неуверенность в себе.

– Извините. У меня всегда были проблемы с выражением эмоций, но я ничего не скрываю. У меня был... Друг, который намеренно скрывал эмоции. Считал, что это круто и так он будет больше значить для мира, но это полный бред. Я бы не стал использовать то как тактику, к тому же... – он заставил себя улыбнуться, – Вы бы меня быстро раскусили.

Следователь по-доброму усмехнулся.

– Я понимаю. Ты когда-нибудь консультировался у психотерапевта?

– Нет.

– Ничего страшного, – задумавшись, произнес Борис, вскоре возвращаясь к работе, – Так что насчет своих друзей? Как думаешь, почему они нам солгали?

– Откуда я знаю? Они всегда считали меня... Другим.

– Другим? Почему?

– Ну, вы сами понимаете. Моя манера общения, тело... Лицо. Они бы наверняка хотели подставить кого-то, как я.

Мужчина поджал губы, вздохнув.

– Я услышал тебя. Спасибо за содействие, Голиаф. Сейчас к тебе придет еще один полицейский, поговори с ним тоже, пожалуйста.

– Хорошо.

Борис Николаевич вышел из камеры, и вскоре в неё зашел другой следователь. Мужчина со светлыми волосами, еще молодой, но явно хорошо подготовленный, вошел к Голиафу и сел на стул, где раньше сидел прошлый полицейский. Особо не церемонясь, он кинул еще одну фотографию Марты прямо под нос юноше.

– Итак, у нас мало времени, – словно скроговоркой проговорил юноша, почти такой же молодой, как и сам Голиаф. Закинув ногу на ногу, он ткнул пальцем в фотографию, – Знаешь её?

Абатуров скептически щурил глаза, понимая, что это уловка, на которую он ни в коем случае не должен попасться. Сохраняя спокойное лицо, он ответил.

– Марта Озёрова.

– Потрясающе. Зови меня Нео, если тебе очень важно мое имя, – небрежно откинув папку с делом, «Нео» посмотрел прямо в глаза юноше, – Ты знаешь, зачем ты здесь?

Голиаф не шелохнулся. Этот все видел через стекло. Этот думает, что знает, куда надо надавить. Но Абатуров давит не хуже других.

– Не знаю, Нео.

– Да ладно? – почему-то юноша странно улыбнулся, пододвигаясь еще ближе, – Давай-ка я тебе напомним. Марта Озёрова. Её исчезновение.

– Исчезновение? – Голиаф поднял брови.

– Не строй из себя придурка, придурок, – повысил голос блондин, – Мы все прекрасно знаем. Когда ты видел её в последний раз?

– Борис Николаевич уже спрашивал меня об этом, – сам не зная, почему, Голиаф улыбнулся, на что Нео вдруг засмеялся:

– Настроение хорошее, да? Слушай меня сюда... – прошипел юноша, приблизившись к студенту, – Ты так и не понимаешь, что происходит? Ты в полицейском участке, парень. У тебя уже ОГРОМНЫЕ неприятности. И сейчас у тебя два пути: или ты перестаешь вилять жопой и раскрываешь, кого пытаешься покрыть, или берешь ответственность на себя.

Нельзя рисковать.

– Я понял, Нео.

– Славно, – следователь снова откинулся на спинку стула

и расслабился, – А теперь скажи мне, когда ты видел её в последний раз?

– Может, месяц назад.

– Месяц назад? – улыбнулся блондин, – Оставь эту сказку Боре. И что вы делали «месяц назад»? – он пальцами показал кавычки.

– Общались. Мы виделись в универе.

– И о чем вы общались.

– Я не знаю... Ну... Всякое... Там музыка, уроки, учителя и одноклассники, вы знаете как это бывает.

– Знаю-знаю, – лениво ответил мужчина, – И кем же вы были друг другу?

– Мы были друзьями, Нео, – вполне спокойно ответил юноша. Следователь изменился в лице.

– Друзьями, говоришь...

Он замолчал. Посмотрев на студента, «Нео» приблизился к нему, смотря четко в глаза.

– Слушай сюда, мальчик. Мы нашли женский труп около твоей мусорки.

– ЧТО, – неконтролируемо вскрикнул юноша, не чувствуя как поднимаются брови, раширяются его глаза и опускается челюсть. Следователь игнорирует его реакцию.

– Тело в лаборатории. И мы знаем, что это был ты. Ты всю её обтрогал, Голиаф, оставил все свои отпечатки на ней.

Голиаф постепенно успокоился, насильно опуская брови вместе с веками и закрывая рот. Ему потребовалось только

пару секунд, чтобы понять, что следователь блефует. Анализы не могут быть готовы так скоро. Юноша вновь нарисовал спокойное лицо.

– Я не убивал её.

– Да? А вот я уверен в обратном, – он почему-то стал более обеспокоенным, – Пойми, у неё ведь есть семья... Ты не из тех, кто хочет видеть мучения, Голиаф, я знаю. Ты не такой парень, ты не убийца.

– Так и есть. Я не убивал её.

Следователь вскочил со стула, ударив по столу.

– Да мы и так знаем, что это был ты!! – проорал сорвавшийся юноша,

– Ты оставил свои отпечатки, свои следы! Ты облажался, Голиаф! По-крупному облажался!

– Я этого не делал.

Спокойный, даже не взволнованный тон сотворил со следователем что-то странное. В глазах блондина сверкнул страх, после чего он тут же замолчал, а затем молча встал и ушел.

Голиаф просидел в камере еще около часа, как вдруг дверь открылась и зашли двое уже знакомых ему полицейских. Борис Николаевич задумчиво смотрел на Абатурова, прислонив кулак к подбородку, пока тот, который ушел в страхе, теперь стоял с самодовольной улыбкой на лице:

– Ну что, Абатуров? Пришли наконец результаты тестов. Сейчас мы и узнаем кто ты такой на самом деле.